

Охотники. Пророчества Разрушения

Автор:

[Ник Перумов](#)

Охотники. Пророчества Разрушения

Ник Перумов

Сказки Упорядоченного #1

Извека маги и чародеи противостояли вампирам, обороняя от них лишенных магии и помогая охотникам на кровососов снадобьями да заклятьями. Извека горожане и обитатели богами забытых деревенок уповали на помощь волшебников. Но однажды все изменилось. И старые враги сошлись в странной и непостижимой простому человеку дружбе, осененной благословением как Капитула магов, так и набольших Ночного народа. Зачем? Почему? Кого принесут в жертву установившемуся шаткому миру? Каких целей алчут и те и другие? Какая роль в этом клубке необъяснимых событий отведена безымянному охотнику и его ученику, одной из самых талантливых чародеек Конгрегации Алисанде дю Варгас и ученому-целителю мэтру Бонавентуре? Куда приведет дорога мага-отшельника Вениамина Скорре, для которого, что бы ни случилось, вампиры навсегда останутся первыми и главными врагами?

Ник Перумов

Охотники

Пророчества Разрушения

© Перумов Н.Д., 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

Пролог I

Крылья чернее неба

(Сто тридцать пять лет до начала событий книги)

Ночь выдалась сырая и мгlistая, от глубоких оврагов к деревне ползли длинные серые языки тумана, и казалось, что неведомые твари, спрятавшиеся в них, вот-вот слизнут жалкие избёнки, покрытые гнилой соломой.

И от этих избёнок к затканной серой завесой чаще тянулась сейчас цепочка факелов. Прочь от околицы, амбаров и риг, от выпасов – к холму на самом краю леса, где вздымались, едва видимые во мраке, семь каменных столпов-монолитов, поставленные здесь во времена столь давние, что даже учёные-книжники, случись они здесь и услышь вопрос о возрасте капища, только развели бы руками.

Однако именно к этому холму и направлялась процессия.

И была она на удивление многочисленной для этого времени суток.

Места здесь, на границе Пустолесья, никогда не отличались миром и покоем. Шарили разбойные банды, бродили по чашам чудища, которым всё равно, лопать ли скотину или её хозяев. И чтобы хлопы вот так вот сами полезли ночью куда-то в темень? Что с ними случилось, с чего вдруг такое бесстрашие?

Впереди всех шестеро здоровенных мужиков в домотканых портках и рубахах, деловито сопя, тащили на плечах нечто, замотанное в серую же холстину, обвязанное поверх чем попало под руку – ремнями, верёвками, даже рыбацкой сетью – и отчаянно брыкающееся.

– Тише, ведьма! – Один из тащивших сунул пудовым кулаком куда пришлось. Из кокона раздался вскрик и сразу же – яростное шипение.

– Ничо, Радован, – пробасил другой носильщик. – Малёха совсем. А там к столбу, и... чуть пятки-то задымятся, враз узнает, как колдовать!

– Я не колдовала! – раздалось из глубины свёртка. – Дядя Михась! Ну дядька Михась! Ты ж меня знаешь!

– Тоже мне, племяшка выискалась, – поспешно зачастил плечистый мужик, заговоривший с Радованом. – Ты в родню мне не лезь, отродье колдовское!.. Корову сгубила, ведьма проклятущая! Свинью супоросую извела!

– Минька малого лютой смерти предала... – вступил ещё один.

– Тащите, тащите, неча базлать здесь. Когда на костёр поставим, тогда и станем ведьме вины её перечислять.

– Именно! – вступил в разговор некто высокий и тощий, в длинном коричневом балахоне то ли местного жреца, то ли странствующего проповедника. – Зачтём ведьме преступления ея! Пусть в купели огненной, на смертном краю, покается! Пусть...

– Прости, благочинный, – перебил жреца Радован. – Пришли мы, однако.

– Гм. Верно, да, пришли, сыне. Хорошее место, чистое, намоленное. Кумиров вы в порядке содержали, молодцы, чада мои, хвалю. Мало где Богам Древним поклоняются сейчас должным образом, как у вас, – оттого и бедствия у них у всех, отступников! А ведьму – давайте её сюда, на хворост! Да привязывайте к столбу, за локти, вот так!

Монолиты украшали грубо вырезанные прямо на камне узкоглазые лики. Все – с разинутыми ртами, полными громадных зубов. Вид у этих существей никак не располагал к поклонению.

В самой середине этого круга возвышался столб, в отличие от остальных – гладкий и не серый, а какой-то словно бы закопчённый. У его подножия свалена

была огромная куча дров, со всех сторон обложенная вязанками хвороста.

Именно к этому столбу шестеро носильщиков и принялись прикручивать свою хрипящую, шипящую, словно дикая кошка, ношу.

– Торопитесь, чада! Ибо ведьмы хорошо горят именно в ночную пору, отгоняя духов злых и всех существ вредоносных!

Тем временем к Семи Камням подтянулась и остальная процессия с факелами – мужчины и женщины, старики и старухи, наверное, всё население деревни.

– Готовы ли вы, чада мои? – сладким голосом осведомился жрец.

– Готовы, – многоголосым гулом ответило ему собрание.

– Снимите тогда мешок с нея! А теперь слушай, ведьма, перечень злодейств своих! – возвышая голос, с неожиданными визгливыми нотками объявил жрец. – Ибо ты есть сосуд мерзостей иночеловеческих, сосуд ме...

Он хотел сказать что-то ещё, но в этот миг над головами толпы что-то прошелестело. Сверху словно обрушилась незримая ледяная волна, холодное дыхание зимы.

– А-а-а-а! Летит, летит! – заверещала какая-то молодка.

– Кто летит? Куда летит? – аж подскочил жрец. Споткнулся на ровном месте, взмахнул нелепо руками и выпустил факел.

Огонь потёк по хворосту, весело затрещал, устремляясь вверх, к забившейся в путях девушке.

Резкий свист крыльев. Ледяной ветер сделался режущим, люди попятнулись – а прямо на куче пылающего с одной стороны хвороста появилась высокая тёмная фигура, завернувшись в плащ, так напоминавший крылья летучей мыши.

– В чём дело, мои добрые пахари? Mes bons agriculteurs? Ce qui se passe ici? Что здесь происходит? – спросил прилетевший. Бледное лицо и ослепительно-

белые зубы, белее снега. – Кого это вы тут собрались жечь на ночь глядя? Пойдите, пойдите, дайте самому догадаться – la sorcière? Ведьма? Которая, конечно же, колдовством своим портила посевы, вызывала падёж скота, выкидыши у беременных, может, даже смерти совершенно здоровых на первый взгляд детишек?

Наверное, он продолжал бы свою тираду и дальше, этот неожиданный, с небес свалившийся гость, но жрец, казалось бы, застывший с разинутым ртом и выпученными глазами, вдруг заголосил: «Сгинь! Сгинь, пропади, отродье тьмы!» – и взмахнул рукой.

То ли он что-то швырнул в костёр, то ли и впрямь обладал какой-то силой, но пламя взвилось, заревело, хворост и дрова вспыхнули мгновенно.

Связанная девушка закричала, надсаживаясь, дико.

Существо рядом с ней злобно ощерилось, зашипело.

Взмах тёмного плаща – и ремни лопнули, приговорённая ведьма кулём повалилась на руки своего спасителя.

Одним прыжком тот соскочил с груды пылающих дров, его тлеющие во многих местах одежды дымились, в тёмном разрубе рта отчётливо виднелись длинные заострённые клыки.

– Вомпер! – заорал кто-то из мужиков поотважнее.

Наверное, селянам следовало бы в ужасе броситься наутёк при виде такого страха; но в Пустолесье жил тогда народ крепкий и кряжистый, хоть и бедный, и пригнетённый трудами. Многие явились на судилище не только с факелами, а и с топорами, и с заострёнными кольями, и с вилами, и с цепями, и со всяким подобным оружием, над которым смеяться может лишь тот, кому никогда не пришлось побывать под его ударами.

Несмотря на визги и крики, перед вампиром и повисшей на нём полубесчувственной жертвой в единый миг поднялась сплошная стена – дреколье, вилы, косы, зверовые копыта-рогатины. Мужики попятнулись, но не

побежали.

– Дружно, все! – гаркнул тот самый дядька Михась. – Со всех сторон вомпера жми!

Вампир быстро оглянулся – так быстро, что едва ли кто разглядел его движение. Почему-то он не мог перекинуться обратно в нетопыря, так и стоял, одной рукой поддерживая едва живую девушку-ведьму. Он снова зашипел, зафыркал разъярённым котом, выставил правую руку, на которой вдруг блеснули внушительные когти.

Однако мрачные, решительные, не шибко-то боящиеся «вомпера» мужики напирали, и острия их кольев с вилами угрожающе покачивались уже в каких-то шести-семи футах.

Вампир сорвался с места, крест-накрест взмахивая свободной правой рукой. Когти врезались в толстенный кол, прошли сквозь него, оставив ровный срез, но острота их сыграла с вампиром злую шутку – он не отбил крестьянское оружие в сторону, он даже не сделал его более тупым, как раз напротив.

Кол ударил ему в плечо, отбросил назад, и вампиру пришлось изворачиваться всем телом, проскальзывая под прыгнувшими ему в спину вилами. Толпа почти сомкнулась над ним; вновь мелькнули когти, закричал кто-то, оказавшийся слишком близко, и в этот миг на голову упыря со всей силой опустился увесистый цеп.

Тёмная кровь полилась потоком, но вампир словно только этого и ждал. Правая рука ухватилась за цеп, рванула на себя дерзкого бойца, и тот с огромной силой влетел грудью вперёд прямо в острия вил и рогатин. Вампир рванулся следом.

Мгновенное замешательство мужиков стоило им ещё двоих – когти вскрыли шею одному, снесли половину лица другому. Отбросив третьего, оттолкнув четвёртого, вампир расчистил себе дорогу и, перекинув ведьму через плечо, скачками бросился прочь, к тёмному, затканному туманами лесу.

За его спиной страшно кричали раненые, голосила толпа. Просвистело брошенное копьё, вонзилось в спину, – как только девушку не задело – упырь зарычал, захрипел от боли, дёрнулся, сводя лопатки чуть ли не вместе. Древко

вывалилось, из раны волной выплеснулась кровь, тёмная, дымящаяся, словно земляное масло.

Он врезался в заросли, и там его преследовать уже не стали.

* * *

– Спасибо тебе! – Девушка была хороша. Как и положено, рыжая с зелёными глазами – таких в деревнях вечно подозревают в колдовстве, особенно ревнивые жёны, замечая взгляды своих мужиков, устремлённые на «рыжую-бесстыжую».

– Ne remerciez pas. Не стоит благодарности. – Вампир сидел, привалившись спиной к могучей ели. Щегольские плащ и фиолетовый камзол под ним были залиты кровью, но сами раны уже закрылись. – Я не люблю, когда казнят невинных. И тем более, когда невинных сжигают. Предубеждения, страхи, поверья... – Он поморщился.

– Тебе больно? Но... я думала... что вампиры так сильны, что...

– Ты много о нас знаешь, – попытался он улыбнуться, – для деревенской девушки...

Она пожала плечами, зябко обхватила их руками.

– Я не просто деревенская девушка.

– Voici comment?[1 - Voici comment? – Вот как? (фр.)] – поднял он бровь.

– Exactement![2 - Exactement! – Именно так! (фр.)] Что у меня общего с этими смердами? – Глаза её сузились. – Я умею читать и писать. Единственная, кроме благочинного, но он у нас не живёт, а так, наездами. И, вдобавок, хоть и немного, но понимаю твой родной язык.

Вампир покачал головой, по-прежнему держась за пострадавшее плечо.

- Это не «мой родной язык», скорее уж lingua franca среди нас, вампиров... Но откуда ж ты тут такая взялась, рыжее и зеленоглазое чудо, что умеет читать и писать? И даже «немного понимает» наш язык?

- Ниоткуда, - зло ответила девушка. - Спроси лучше, откуда взялись книги.

- Спрашиваю. Откуда же взялись книги?

- Веришь ли, нет, но ехал через наши места то ли купец, то ли книжник, то ли по книжкам купец... ехал, да только так у нас и остался. Занемог. Болел-болел и... помер, значит. Чем богат был - сельчане к рукам прибрали. А я, хоть и мала была, книги таскала.

Вампир покачал головой.

- Incroyable. Невероятно. Как и то, что ты совершенно меня не боишься.

- Если б ты хотел моей смерти, наверное, не стал бы спасать?

- Логично. - Он попытался улыбнуться и вновь поморщился. - Проклятье... не ожидал.

- Это столбы, - вдруг сказала рыжая. - Вернее, столпы, Столпы Древних Богов. Место силы. Вот потому-то тебе и плохо. Как тебя прозывают, кстати?

- Ле Вефревель. Гийом ле Вефревель, ? votre service[З - К вашим услугам (фр.)].

- Красиво, - позавидовала она. - Красиво тебя звать.

- Старое имя. Из Запроливья. Это где...

- Где Империя Креста.

- Всё-то ты знаешь, - усмехнулся он и вновь скривился от боли.

– А я Венка. Вообще-то Венкевильяна, но можно просто Венка. Или Вилья. Давай на рану твою посмотрю.

– Да нет там... никакой раны уже, – хмыкнул вампир. – Затянуло всё. Под... кожей, внутри повреждения.

– Тот случай, когда *saracite de regeneration*, то есть регенеративные способности, могут сослужить скверную службу.

Ле Вефревель вытаращил глаза.

– Ты меня удивляешь, милсдарыня Венка или Вилья. И ты всё это узнала из тех книг?

Венка кивнула.

– Ага. Книг было много. Продать их никому не могли, никто на них не позарился. Я сперва с ними играла. Тётка радовалась, что я никому не мешаю и за мной не надо следить.

– И ты сама выучилась читать?

– Да. Там нашлась азбука. И самые разные книги. Вплоть до трудов по истории, алхимии, магии...

– Да, – помолчав, сказал вампир. – Всё это, конечно, совершенно невероятно, но... Сама освоила абзуку... Мне, похоже, очень повезло. *Chanceux!* Встретить такую, как ты, в Пустолесье! Вырвать в последний миг из костра!

– Не очень, – возразила она. – Тебя ранили в Круге Древних. И ты чувствуешь, что внутри у тебя многое сломано и не срастается, как обычно.

– Верно, – признался он. – Никогда бы не подумал, честное слово. Так бы я этих пейзажей разогнал во мгновение ока...

Она опустила голову, пряча улыбку.

– Что же теперь, вампир по имени Гийом ле Вефревель?

– Здесь мы в безопасности. Подождём немного, пока я смогу лететь. Тогда я вынесу тебя в более благорасположенные к таким, как ты, места.

– Хорошо. Но я боюсь, что так просто оно не заживёт.

– Х-ха! – заносчиво бросил вампир. – Плохо ты меня знаешь, милсдарыня Венкевильяна.

* * *

– Ну, что я говорила? Совсем с тобой скверно. И с места тебе не сдвинуться.

Венка стояла, склонившись над ле Вефревелем. Вампир сидел всё так же, под той же ёлкой, но выглядел сейчас совершеннейшим трупом. Глаза его налились тёмной кровью, обернувшись настоящими провалами мрака. Ладони сделались ледяными и неожиданно тяжёлыми.

– Д-да... – вырвалось еле слышное из почерневших губ. – Д-древние... н-не... учёл... Д-даже п-простые к-колья... Le nom du Sauveur[4 - Le nom du Sauveur – имя Спасителя (фр.)]....

Он тяжело закашлялся, по подбородку побежала тёмная струйка.

Венкевильяна покачала головой.

– И что ж мне с тобой делать? Травки бы могла собрать какие ни есть, да только чары мои на таких, как ты, не подействуют.

– К-какие ч-чары?

– Такие, – досадливо бросила она. – Думаешь, меня за одни только волосы на костёр тащили? Или за то, что мужичкам не позволяла себя по сеновалам валять? Нет, вампир. Колдовала я, волшебничала – давно уже, как только наострилась. Как только поняла, что... получают у меня те заклятья.

- О-ох... н-ну... есть одно средство...

- Тебе нужна кровь, - спокойно сказала она. - Живая кровь, Гийом. Тогда выкарабкаешься. Но ты сейчас и котёнка не заламаешь. Скорее уж он тебя затопчет.

- Д-да... - еле выдохнул ле Вефревель.

- Ну так чего медлишь тогда? - Она с прежним спокойствием откинула с шеи волну медно-красных волос, нагнулась. - Давай, вомпер. Делай своё дело.

Вампир замер.

- Ты... мне... сама?... по доброй воле?

- По доброй, - сказала Венка, не меняя позы. - Ты меня спас. Долг платежом красен.

- Merci... С-спасибо...

- Спасибить потом станешь. Давай, не жди, а то совсем окочуришься!

Она сжалась, когда ощутила болезненный укол. И закрыла глаза.

* * *

- Не удержался я, mademoiselle... Вилья.

Ле Вефревель стоял над корчащимся и стонущим у его ног существом, с головы до ног перемазанным кровью.

Её, существа, собственной кровью.

- Я же должен был как-то отблагодарить. А как ещё может отблагодарить истинный вампир? Только поднять до себя, до своего уровня. Ввести в нашу

расу. В нашу высшую расу.

Венкевильяна с трудом приподняла голову, взглянула на вампира мутным взглядом.

– Есть... есть хочу...

– Конечно, дорогая, – легко сказал он. – Идём, я тебе покажу – там еды видимо-невидимо. Вставай, вставай... во-от так, молодец. Обопрись о меня... умница. Ну, пошли.

И они пошли – туда, где лежала за лесом родная деревня Венкевильяны.

Пролог II

Вор у вора

(Шесть лет до начала событий книги)

Хомка Копчик угодил в облаву. А всё потому, что пожадничал, обставляя того жирного купчину в кости!.. Кости у Хомки были отменные, дорогие, начарованные. Спёр он их у одного мага, ещё мальцом, которого этот самый маг подобрал лютой зимой. Нет, не сразу, конечно, спёр, что он, понятий не знает? Уже потом, отработав!.. Маг и научил, кстати, как с ними обращаться. Он, оказывается, тоже жуликоват был, тот маг, любил порой обыграть приятеля, но особо уважал игру с подругами на раздевание. Хомка подглядывал, и ему, надо сказать, понравилось. И то и другое.

А потом сам попробовал повозиться с костями и – о чудо! – они его послушались. Нужные цифры и комбинации выбрасывались словно сами собой.

Горбатиться на мага, хотя дядька он был не злой и Хомку, в общем, не обижал, скоро надоело. Прихватив немного денег да те самые кости, парень дал дёру и с тех пор так и обретался в кабаках, корчмах и тавернах Любжева, добывая

пропитание игрой. Нельзя сказать, что выбился из нищеты – нет, на пороге осьмнадцатого года не скопилось у Хомки почти ничего, и, если разобраться, был он обычным бродягой.

Но ему нравилось. Житуха вольная, никто над ним не господин! К настоящим ворам он не примкнул – боялся. Радомский жупан, Стефрен Ским, не жаловал ночную братию и даже по малой вине вздергивал на бесилку, а по совсем малой – рубил руки. Если отделаешься клеймом на лоб – считай, тебе сильно повезло. Поэтому Хомка в дела серьёзных людей не лез, ни на что сам не подписывался, и не то что «по-мокрому» не ходил, но даже и карманничества сторонился.

Ну и, конечно, наушничал кому нужно, чтоб не тягали зря, не трогали бы.

И вот надо же ему, Хомке Копчику, было так опростоволоситься!..

Случилось, что преславному владыке королю Ребежецу, хозяину уже упомянутого Любжева, а также Бржега, Саларны, Сирина и других градов Рудной державы, или Рудного королевства, приспичило сцепиться с соседним правителем, королем Войтеком; ну сцепились короли и сцепились, бывало такое сотни раз и ещё сотню будет, однако тут что-то пошло не так, и Войтек бросился за помощью к королю Фредериксу, давно имевшему зуб на Ребежеца за то, что тот в своё время отказал его дочери Гржебе. Дочь, по правде говоря, была страшна, сварлива и имела усики над верхней губой, так что Хомка своего короля где-то даже и понимал, но сейчас всё именно из-за этого и пошло наперекосяк – ну чего Ребежецу стоило тогда жениться?..

Фредерикс обид не забывал, сам был король воинственный, имел немало рыцарей, к тому же и к нему подоспела подмога из-за Пролива, из самой Империи Креста. Ратники Войтека, которым обычно попадало по первое число от Ребежецевых дружинников, воспряли духом и попёрли вперёд, в то время как лучшие хоругви Рудного королевства пришлось отправить к границе Фредерикса.

И вот тут-то и началось то самое, из-за чего наперекосяк пошла вся Хомкина житуха.

Дыру на рубежах требовалось срочно заткнуть, и король Ребежец велел оставшейся в столице Алой хоругви «собрать всех, способных носить оружие»...

Алая хоругвь ввалилась в трактир профессионально, разом и в двери, и в окна, и даже из подпола. Р-раз – повсюду вояки в красном и серебряном, острия мечей, стена сдвинутых щитов. Хомка и глазом моргнуть не успел, как над ним навис могучий бородач с прапорцем подхорунжего у левого наплечника.

– А, бродяга, – мерзко ухмыльнулся подхорунжий, хищно шевельнув бородой, что иному гному впору. – Сгодишься! Эй, урядник! Курт! Забирай.

И означенный Курт, ещё более плечистый, чем подхорунжий, мигом накинул на руки обалдевшего Хомки петлю.

Так Хомка Копчик, не успевший даже схватить ничего своего, кроме заветных костей, оказался в рядах славной и непобедимой Алой хоругви, коей предстояло отражать натиск коварного неприятеля, покусившегося, как говорится, на священные рубежи отчизны.

Про священные рубежи Хомка Копчик отродясь ничего не слыхивал, но в Алой хоругви шутить не умели – двоих, кто попытался сбежать ещё до входа в казармы, повесили как дезертиров, быстро и безо всяких сантиментов.

Хомка впечатлился.

В самой Хоругви, однако, не дали ему ни красивой красно-серебристой формы, ни ремней, ни доспехов. Досталась ему ржавая совня, а урядник Курт, показав для верности внушительный кулак, заявил, что ежели он, Хомка, к утру не отдраит лезвие так, «шоп я смотреться мог!», пусть пеняет на себя.

Копчик просидел над совнёй всю ночь и, конечно, почти ничего не отдраил. Зато потом его знатно отдраил плетью сам урядник. Хомка орал благим матом и просил пощады, но добился лишь того, что его ещё и отпинали ногами.

Алая хоругвь выступила в поход следующим же утром. Хомке сунули в руки старый нагрудник из толстой кожи-вываренки, когда-то даже и неплохой, но сейчас изрядно заповревшей. Нагрудник был велик, сидел косо, часть ремней вообще поели крысы.

И всё. Даже ножа Хомке не досталось.

Конягу дали самого что ни на есть скверного, заморённого, какого только на скотобойню. Но и то приходилось за ним всё время ухаживать, чего Хомка совершенно не умел, как, впрочем, и ездить верхом.

Первый же день перехода, несмотря на то что несчастная коняга просто шла шагом, обернулся для Хомки жуткими муками – он сбил себе задницу, а ноги болели так, что даже плётка урядника поднять его не смогла.

И в лагере отдохнуть не удавалось. Собранных силком ратников воины Алой хоругви гоняли в хвост и в гриву: рубить и колоть дрова, поддерживать огонь, заботиться о лошадях, ставить палатки, копать отхожие ямы и так далее и тому подобное, – всего не перечислишь.

Хомка не думал про «коварного врага, посягнувшего на рубежи», голова у него совсем отупела от усталости. Он ведь сколько лет уже ничего тяжелее игральных костей в руках не держал, да и ножами размахивать не приходилось – он своё место знал, куда не надо – не совался, с кем надо – делился.

Тут они и сошлись с Лёшеком, воришкой из Бржега. Ростом и статью Лёшек был невелик, а вот нахальства и нахрапа имел с преизлихом. Про войну и про бои Лёшек даже не думал, как раз наоборот.

– Слышь, Копчик, я как секу-то – рвать отсюда надо, пока в борозду не запахали, – шептал он, когда приятелям наконец-то удалось кое-как забиться в щель меж двух возов. Палаток на них не хватило.

– Ага, как отсюда сорвёшь-то, – так же шёпотом отозвался Хомка. У него болело всё, и, казалось, болел сам воздух вокруг. – Тех двоих помнишь? И Сальгу-жирного...

– Сальга дураком набитым жил, дураком и помер, – отрезал Лёшек. Поскрёб пятернёй немытую башку и сплюнул. – Нашёл когда дёру давать! Ясно, повязали его. Не, паря, драпать надо, когда мутовня пойдёт! Им не до нас тогда будет. На вот, глотни! – И Лёшек жестом фокусника извлёк на свет божий внушительную фляжку.

– Ух ты, – искренне восхитился Хомка. – Где взял?

– Там уже нет, – ухмыльнулся тот. – Держись меня, Хомка, не пропадёшь.

У Копчика на этот счёт были свои соображения, но он счёл за лучшее пока помолчать.

– Как заваруха начнётся, Хоругвь – на коней и в бой поскачет. Нас скорее всего вагенбург охранять оставят. Вот тогда и не зевай! Никто и не заметит, как улепетнём. А там... – Взгляд у Лёшека сделался мечтательным. – А там увидишь.

И они увидели.

Лёшек оказался прав. Их оставили хоть и не стеречь вагенбург, но во второй линии, просто стоять, выставив копья, или у кого что было.

Хомка от страха едва мог ноги переставлять. В голове же крутилась одна лишь с детства затвержённая молитва святому Михасю, пророку Спасителя.

Лёшек держался рядом, шипел сквозь зубы:

– Как увидишь, что налетают, сразу падай... падай, ховайся. Всадники высоко, над нами проскочат. Они, кто бежит, тех рубят...

Саму битву, кто кого сёк мечами и протыкал копьями, Хомка не запомнил вообще. Запомнил лишь, как на их строй вдруг вынесся невесть откуда взявшийся клин рыцарей в полном вооружении с чёрными крестами на белых плащах – те самые знаменитые воители из Империи Креста, что за Проливом.

По слухам – лучшие воины на свете.

Они скакали, словно демоны ада, пригнувшись к конским гривам и наклонив длинные копья. Было их, наверное, всего десятка три, но Хомке показалось, что на свете не осталось вообще ничего, кроме этих чёрно-белых плащей.

Строй новобранцев Алой хоругви не продержался и нескольких секунд. Кто-то за спиной Хомки истошно заверещал, уронил рунку, кинулся наутёк. За ним – ещё, ещё и ещё. Урядник, кажется, в бешенстве успел зарубить одного из бегущих, но

напрасно, потому что его самого в следующий миг насквозь пропороло копьем, и окровавленный наконечник высунулся у него из груди.

Хомка выпустил из рук совню, бросился ничком на землю, сжался в комок, закрывая голову руками. Кажется, он тоненько вопил, а может, визжал. Над ним проносилась грохочущая, словно колесницы Древних Богов, конница. Где-то совсем рядом лязгало железо, ржали лошади, дико кричали умирающие, доносилось стройное, несмотря ни на что, пение рыцарей – правда, вели его всё меньше и меньше голосов.

Поле бое затихло нескоро. И так же нескоро Хомка Копчик поверил в то, что остался жив. Он так и лежал, скорчившись, закрывая голову, с валяющейся рядом совнёй, пока его не отыскал Лёшек.

– Эй, Хомка! Вставай-поднимайся! Говорил я тебе – меня держись! И слушай!

Лёшек скалился, ухмыляясь во весь щербатый рот.

Весь трясясь, Хомка кое-как поднялся.

Смертное поле вокруг парило кровью. Над головой кружило черноптичье, и это не было похоже на обычных ворон. Стояла тишина, и Хомка вдруг подумал, что только они с Лёшеком остались живы из всей Алой хоругви.

– Не трясись, паря. Я тут помозговал, поглядел, полазил... выходит, что Хоругвь рыцарей перебила, а рыцари – Хоругвь. Нам теперь раздолье!

И раздолье на самом деле наступило.

Для начала они с Лёшеком обобрали мёртвых, кого смогли. Хомку, хоть он и бродяжил, промышляя игрой да мелким воровством уже давно, постоянно выворачивало наизнанку. Бой был жестокий, тела – страшно посечены, изуродованы, головы зачастую разможжены, мозги расплёрсканы вокруг, тянулись розовато-сиреневые кишки, и всё было залито кровью.

– Перстни рыцарские не бери, – предупредил опытный Лёшек. – Опознать могут. Скупщики только как лом возьмут, на переплавку. Особенно рыцарских-

орденских беги. Ни к чему они. Монеты собирай, кольца простые, которые без надписей. Оружие дорогое не бери тоже – в глаза бросается. А вот сапоги хорошие себе поищи, башмаки твои совсем худы.

Бледный пошатывающийся Хомка кивал, вытирая рот и поминутно сплёвывая.

Кое-как мало-помалу они собрали с тел добычу; Хомка невольно искал глазами урядника Курта, однако так и не нашёл.

Лёшек, хоть и вор, а позаботился о товарище, притащив тому добрую кожаную куртку, каким-то чудом оставшуюся целой, да вдобавок ещё и пришедшуюся впору, пластинчатую бригантину, шипак с кольчужным воротником.

– С-спасибо...

– Не благодари, – ухмыльнулся мародёр. – Нам с тобой, Хомка, друг друга держаться надо. Так что если у тебя рухлядь справная будет, мне спокойнее. Из самострела бить умеешь?

Хомка покачал головой.

– Ну и ладно, я умею. Совню свою брось, не ищи даже. Вот тебе оружие, по руке будет.

Добыча напоминала приснопамятную совню, только древко было куда короче, ухватистее, легче. Клинок на целую ладонь длиннее, странной голубоватой стали с непонятными рунами, хитровыгнутый и с длинным четырёхгранным шипом, каким удобно колоть, и с крюком, стащить всадника с лошади.

Досталась Хомке ещё пара кинжалов, и Лёшек, критически осмотрев подельника, остался доволен.

– На восток двинем, – облизнулся он. – К границе Войтековой. Там добычи должно быть – видимо-невидимо. Главное, на рожон не лезть, головы не терять, а уж случай представится – не упускать! Да, и варанов нам ездовых приглядеть надо хоть каких. Коней не бери, норовисты они слишком, особенно рыцарские...

* * *

Так начался их путь по разорённому Приграничью. Сперва они осторожничали, на рожон не лезли, собирая добычу всё больше по неприбранным телам – грубо говоря, занимались тем самым мародёрством, за которое во все времена и во всех королевствах вешали быстро и высоко.

А потом всё изменилось – когда в один день они повстречали Копыто.

Огромный плечистый бородач в замызганном красном кафтане сидел на обочине тракта, деловито поджаривая на огне цельную конскую ногу.

– Кого я вижу! Лёшек!

– Копыто! Старик! Сколько лет, сколько зим! – Лёшек слез с варана и шустро потопал к костру. Хомка опасливо посеменил за ним.

– Жив, бродяга!..

– Жив, как видишь.

– А это с тобой кто?

– Это? Это Хомка. Вор правильный, но зелен пока ещё.

– Хомка, значит? Ну, привет, Хомка. – Копыто протянул ладонь, размером как две обычные людские, стиснул Хомкину руку с такой силой, что парнишка аж завертелся. – Не сучи ножками, не люблю. Хиловат ты, паря, для правильного вора, но, но коль Лёшек за тебя ручается... Добро пожаловать в компанию.

Хомке хотелось сказать, что это ему бы следовало звать Копыто в их компанию, но...

– Что подделываешь на большаке, Копыто?

– Держу путь к Мераку.

– А что тебе там?

Копыто впился громадными жёлтыми зубами в конское прожаренное мясо.

– Дык там того, этого, война, значит, – как-то даже застенчиво вдруг сказал он. – А где война, там и пожива нашему брату. В городе-то скверно стало, метут всех подряд, в кандалы – и в когарту... а кто упрямится, того вздёргивают, высоко и сразу. Ну и, конечно, позабавиться-то где ещё, как не возле войны? – Он ухмыльнулся, настолько гнусно и нехорошо, в маленьких его глазках появилось такое выражение, что Хомке захотелось немедленно дать дёру.

Лёшек загоготал:

– Позабавиться-полюбоваться? Знаю, знаю твои проказы, Копыто, наслышан!

– Ну-у... – Бородатый разбойник вдруг покраснел и потупился, словно девица на смотринах. – Ты, приятель, своего ведь тоже не упустишь. А я городских-то девок, что по трактирам лахудраничают, не шибко жалую. Сладко, когда она визжит, царапается да вырывается. И взаправду, а не понарошку. Ну и придушить потом – самое то.

– Да, Копыто, забавник ты преизрядный, – отсмеявшись, хлопнул того по плечу Лёшек. – Давай, вместе пойдём. Втроём веселее.

– А и пойдём! Втроём веселее, прав ты. И девок наловить поболее можно...

Хомке захотелось блевать.

«Беги, – сказал ему внутренний голос. – Деньжат каких ни есть, а подсобрал. Беги от этих двоих, не доведут они до добра!»

И только тут Хомка вдруг сообразил, что не знает дороги назад. Когда тащился к границе с Алой хоругвью, думал о чём угодно, только не о том, чтобы запомнить путь. И потом... сколько таких, как Лёшек и Копыто, будут шарить сейчас по трактам и большакам? Одинокий Хомка сделается лёгкой добычей и только кошельком не отделается. Его убьют, как бродячего пса, и хорошо ещё, если прикончат быстро и безболезненно.

Втроём с Копытом дело пошло веселее. Они оказались в полосе, через которую война прокатилась уже не один раз. Сперва когорты Войтека гнали хоругви и бандеры Режебеца, потом дело пошло наоборот, потом снова наоборот...

Им везло.

Среди сгоревших заимок и починков, среди валяющихся по обочинам трактов тел людей, коней и варанов они пробирались дальше, стараясь отыскать нетронутое. По пути собрали толику добычи с мертвецов.

Потом нарвались на тройку таких же, как они, мародёров. Трое против троих, но Лёшек и Копыто, как оказалось, к подобным встречам привыкли.

Лёшек сразу же, не раздумывая, выпалил из самострела по едва развернувшемуся в их сторону человеку с рогатиной и в окровавленной солдатской куртке. Копыто, заревев, словно десять демонов, ринулся на двух оставшихся, размахивая дубиной, прямо на склонённые копья. Один противник, посмелее, ткнул было разбойника остриём, но Копыто легко отшиб этот выпад в сторону. Другой мародёр немедля бросился наутёк, а храброго копейщика Копыто швырнул наземь и долго топтал, смачно хекая и хрюкая, пока мольбы, стоны и крики наконец не стихли.

Хомка стоял, держа их варанов и не вмешиваясь, лишь изо всех сил борясь с позывами ко рвоте.

В поясах у мертвецов и в их добыче они нашли почти две сотни полновесных серебряных талеров. Хомке достались аж целых сорок. Себе Лёшек и Копыто взяли по восемьдесят.

Однако оставаться тут было опасно. По Приграничью, меж владениями Войтека и Режебеца ползали сейчас, словно вши, сотни и тысячи таких же, как они, – из разбитых отрядов, сбежавшие от вербовщиков, иные – из местных, понявших, что нет смысла ждать, пока к ним придут и зарежут, и решивших, что лучше резать будут они сами.

Армии куда-то ушли, то ли на восток, то ли на запад. Маятник войны опять смещался. Или Войтек отходил, заманивая противника в ловушку, в лабиринт засечных черт и пограничных крепостиц, или Режебец пытался измотать и

обескровить прибывшие на помощь соседу-сопернику рыцарские «копья» Империи Креста. В общем, понять, кто сейчас кого перемагает, было решительно невозможно. Вооружённые отряды королевских войск рыскали туда-сюда, злые и кровожадные до исступления.

Вдобавок в разорённом краю стало совсем нечего есть.

И тогда Лёшек с Копытом решили повернуть на север. Ближе к тихому покамест рубежу Предславова княжества. Там, по слухам, было спокойно, богатые хутора вольготно рассыпались по холмистой равнине; ни одно из враждующих воинств туда пока что не заглядывало.

Вскоре местность вокруг и впрямь изменилась. Исчезли чёрные обугленные венцы и закопчённые печные трубы на месте сгоревших деревень; исчезли валяющиеся у обочин неприбранные, раздутые, разлагающиеся трупы; воздух сделался заметно чище, пожарища остались лишь над южным горизонтом, впереди синело приветливое ласковое небо.

В первом же хуторе, куда они сунулись, им повезло. Вернее, повезло Лёшеку и Копыту. Молодого мужика, замахнувшегося на них вилами, когда они с гиканьем ворвались во двор, Лёшек попросту застрелил, другого, постарше, Копыто свалил одним молодецким взмахом секиры, которую Хомка даже поднять бы не смог.

Визжали и выли женщины, ещё двое хуторян выскочили на грабителей с топорами, но одного из них вдруг огрел по затылку дрыном худо одетый тощий парень, а Хомка, больше от страха, чем от желания убивать, ткнул другого в шею своим бердышом.

После этого всё кончилось очень быстро. Копыто и Лёшек живо согнали вопящих баб и девок во двор – тощий парень помогал, несмотря на проклятия, которыми его осыпали хуторянки.

– Сюды, господине, сюды! Тута они гроши прячут, туточки! – орал парень, подпрыгивая и чуть ли не хватая Лёшека за рукав. – У-ух, и посчитаюсь же я с ними! Не всё меня тиранить да батогамы пластовать за малую провинность! Сюды, господине, здесь у них и рухлядь мягкая, и...

- Тихо ты! – оскалился Лёшек. – Чего суетишься, чего лебезишь?

- Дык, с вами уйти хочу! – в свою очередь, ослабил парень. Роба у него была словно морда у бродячего пса перед собачьей свадьбой. – Вот покажу, где они всё прячут, и... вы ж меня возьмете с собой, господине?

- А шо? И возьмём! – пробасил Копыто. – Парнишка приткий. Эвон как того по башке-то хлопыстнул!

- То хозяин был, – скрипнул зубами парень. – Лютости непомерной! Что ни день – то батог! А уж по субботам – непременно, есть вина, нет ли! Ну ничего, сегодня мой день!

- Ты мне по нраву! – рыкнул Копыто. – Шо, позабавиться небось хочешь? С дочкой хозяйской? – Разбойник мотнул встрёпанной башкой в сторону рыдающей круглолицей девицы с длинной косой, одетой богаче других.

- Ага, – парень облизнул губы, – хочу. Ух, и отдеру ж я её!

- Добро, добро! А как звать-то тебя, отдиральщик?

- Гасилом зови, господине!

- Гасило? Славное имечко, – одобрил бородатый разбойник. – А эт-та, кого хрючить-то собрался?

- Данка...

Упомянутая Данка дико, отчаянно верещала, пока гогочущие Копыто с Лёшеком сдирали с неё платье. Впрочем, ей это не помогло.

- А ты, Хомка? Которую хочешь? А? Которую?

Хомка замигал. Он уже ничего не хотел. Ему нужно было бежать. Бежать немедленно. Голова кружилась, в глазах стоял кровавый туман. Он же никогда прежде не ходил «по-мокрому»! Силы небесные, ну и влип же он!.. Будь ты проклят, Лёшек – или как там тебя по-настоящему, по-крестильному!

– Шо, паря, взбледнул? Ножки подкашиваются? – гаркнул Копыто, перекрывая визги распяленной Данки, над которой сосредоточенно трудился спустивший штаны до колен Гасило. – Давай, бери кого-нить! А то подумаю, что ты не правильный вор, а подстражевая гнидка! А этих, если никто тебе не приглянулся, гони тогда в амбар! Двери подопри да огня высеки! Солома на крышах сухая, займётся быстро!

Хомка так и обмер.

И только тут заметил отчаянно подмигивавшую ему толстуху, дородную бабу, что называется, в самом соку.

«Меня», – прочитал Хомка по губам.

– Вот эту возьму, – громко проговорил он, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Ну, отменно. – Копыто ещё бросил взгляд на давящуюся криком привязанную к лавке Данку. – Я тоже счас выберу...

– И я! – не отставал Лёшек.

Дородная баба – впрочем, даже и не баба, молодка – сама вдруг схватила Хомку за руку и чуть не повисла на нём.

– Помоги, добрый молодец, – прошептала вдруг на ухо, приникая всем телом. – Я ж вижу... не по душе тебе людобойство... напрасно ты к ним пристал, думаешь, как сбежать... помоги, всеми богами молю, они ж нас не только насильничают, это-то ещё стерпеть можно, они и впрямь живьём всех сожгут! Мужиков уже перебили... Давай, на меня ложись, я тебе пособлю, только спаси! Дитяток невинных пожалей!

– Ну, валяй, Хомка! – глумливо крикнул Копыто, деловито обдирая истошно вопящую девку, совсем молоденькую, почти ещё девочку. – Ты, я вижу, бывалых предпочитаешь, попышней которые! Понимаю, понимаю. Ну, а мне малых подавай!..

Хомка сглотнул. Ему очень хотелось ткнуть Копыто бердышом в шею, но он боялся. Боялся так, что подгибались колени и тряслись руки.

Дородная молодка обхватила его за плечи и чуть ли не силой втащила на груды соломы. Легла, быстро задирая подол. Прижала Хомку к себе, быстро и горячо зашептала на ухо:

– Спаси, парень! Смилуйся! Не дай погибнуть! Ну пожа-алуйста...

Голос её срывался.

Одуревший Хомка лежал на ней, не чувствуя вообще ничего, кроме острого желания сбежать, как можно скорее и как можно дальше, не видеть ничего, не слышать воплей и визгов насилуемых девушек, забыть, как сам ткнул человека острием бердыша.

– В амбаре вторая дверь есть, – шептала молодка. – Но заложена, забита, засов снаружи, завязан, изнутри не откроешь. За амбар зайди, верёвки разрежь, засов сдвинь. Тогда, коль нас туда загонят и крышу подпалят, мы выберемся. Выживем. Ну, пожалуйста, миленький, дорогой, а? Не бери ещё и такого греха на душу, а я уж тебя приласкаю... вот прямо сейчас... вперёд всего, значит...

Она была прямо под ним, несмотря ни на что, мягкая и тёплая, податливая; однако Хомкино мужское достоинство имело, похоже, обо всём творившемся своё собственное мнение и принимать хоть какое-то участие в процессе отказывалось наотрез.

– Эй, паря, чё замер-то, ровно в тебя кол вогнали? – заржал позади него Копыто. Судя по сменившемуся тембру визгов, разбойник принялся за новую жертву. – И девка твоя чё-то молчит! То не дело! Я люблю, когда они дружно вопят все, чем больше, тем лучше! Давай, дери её, паря, коль ты и в самом деле правильный вор!

«Вор, – подумал Хомка отрешённо. – Игрок, шулер, обманщик. Но не убийца и не мучитель».

– Да, точно, Хомка! Ты, приятель, позеленел просто! – загоготал и Лёшек, слегка задыхаясь.

– Давай, не спи, вишь, душегубы эти уже в подозрениях! – зашипела молодка прямо в ухо Хомке. И вдруг громко застонала, заныла, взмолилась: – Ой-ой-ой, ну не на-адо так... ай-ой-уй... Да давай же ты уже! – последнее было брошено настоящему яростным шёпотом. – А то они и тебя не пожалеют! Гасило, мразь, сучёныш, предал...

Она обхватила Хомку, сплела ноги у него на поясе, с силой вдавила в себя, оттолкнула, вновь вдавила и вновь оттолкнула...

– Во! Во! То дело! – громогласно одобрил Копыто. – Давай, паря, жги, покажи, как настоящие воры дело знают!

Послышался угодливый гогот Гасила. Кто-то – похоже, та самая привязанная к лавке Данка – вдруг дико, истошно взвизгнула и захлебнулась.

Хомка зажмурился, невольно подхватывая задаваемый молодкой под ним ритм.

– Так, молодец, молодец, – лихорадочно шептала та. – О, парень, да тебе до меня и впрямь дела никакого нет... Ну ничего, я тебя потом отблагодарю, только двери раскрой!

Хомка не выдержал долго. Глядеть в глаза обнимавшей его девахи он просто не мог.

– А чё, ничё так, – громко объявил он, поднимаясь и делая вид, что подтягивает штаны.

– Гони в амбар девку! – распорядился Лёшек, занятый тем, что привязывал к плетню очередную жертву. – И этих, пользованных, тоже гони!

Хомка повиновался. Женщины и девки – кое-как пытались прикрыться руками, потому что Копыто с Лёшеком и Гасило содрали с них всё до нитки. Последний приматывал свою жертву вожжами к изгороди, мерзко гогоча. Хомка старался не смотреть.

– Дверь заложи! – скомандовал Копыто, наваливаясь на очередную девушку. Бородач не являл никаких признаков усталости. – Видать, слабоват ты на передок-то, паря! Быстро тебя та толстуха прикончила!..

Хомка втолкнул несчастных внутрь амбара. Как было приказано, заложил дверь засовом. Являя усердие, подпёр ещё парой кольев.

Живая добыча меж тем кончалась. Больше всех постарался Копыто, но и Лёшек с Гасилом не отставали. Дородная молодка сама зашла в амбар, послав напоследок Хомке совершенно отчаянный, умоляющий взгляд.

– Ага, – ни к кому не обращаясь, проговорил Хомка. – Счас, парни, пойду отолью...

На залитом кровью дворе оставались только разбойники, Гасило да совсем юная светловолосая девчушка лет, наверное, десяти или одиннадцати. Даже Лёшек заколебался, на неё глядя.

– Копыто, может...

– Ничего не «может»! – отрезал бородатый разбойник. – А ну, малявка, иди сюда! Добром иди!

Девочка стояла, замерев и широко раскрыв глаза, словно впад в ступор. Всех остальных женщин уже затолкали в амбар. Последних загнал сам Гасило, ещё и подгоняя подхваченным с земли дрыном.

Пользуясь моментом, Хомка снова громко бросил:

– Я... сейчас... отлить, значит... – неопределённо махнув рукой за амбар.

– Давай-давай. – Лёшек повозился с огнивом, поднял вспыхнувший соломенный пук, подпалил крышу амбара в одном месте, другом, третьем...

Потянуло дымом. Внутри амбара взвился дикий, нечеловеческий, многоголосый крик.

Гасило паялился на пламя. Рот его растянулся в какой-то идиотической, жабьей ухмылке.

Оказавшись за углом и убедившись, что его никто не видит, Хомка лихорадочно рубанул по старым посеревшим верёвкам, что опутывали зачем-то наглухо задвинутый засов на задней двери амбара. Поднатужившись, отодвинул тяжёлый деревянный брус, отвалил вросшую в землю створку.

Бабы и девки бросились наружу. Крыша амбара уже пылала, ярко и весело.

- Бегите, бегите! - вырвалось у Хомки.

Спасённые не заставили просить себя дважды.

Дородная молодка, пробегая мимо, вдруг схватила его за рукав, потянула за собой - Хомка отдёргнулся, отскочил как ужаленный. Деваха нахмурилась, пожала плечами и бросилась следом за товарками.

Хомка так и замер, опустошённый, растерянный, не понимая, что делать дальше.

И тут он вдруг увидел неподвижно застывшую у дальней изгороди женщину. Её трудно было не заметить - обтягивающее алое платье, огненно-рыжие волосы, уложенные в высокую причёску, яркие губы, подведённые зелёные глаза...

Она сделала движение и вдруг оказалась рядом с Хомкой. Улыбнулась, да так, что у него затряслись внезапно все поджилки. Женщина в алом прошла мимо него, взглянула мимолётно, столкнулась с ним взглядом, отчего Хомка немедля рухнул на колени, ощущая, как штаны становятся мокрыми.

Миг, и алое платье мелькнуло уже во дворе, перед пылающим амбаром, там, где застыл, недоумённо-подозрительно прислушивавшийся к треску пламени Лёшек - где же вопли, почему не орут сжигаемые заживо? - и где по-прежнему разухабисто, весело ухал Копыто, лапая оцепеневшую девчущку, что не сводила округлившихся глаз с горячей соломенной крыши.

Гасило вынырнул из дверей, таща на плечах увесистый мешок - и когда только успел? Хомка понимал, что надо бежать, улепётывать во все лопатки, однако

ноги окончательно отказались повиноваться.

Лёшек разинул изумлённо рот, Гасило уронил мешок с добычей, Копыто – самый бывалый из них всех – оттолкнул девчущку и тоже уставился на пришелицу.

А та, не обращая на разбойников никакого внимания, шагнула к девочке.

– Они обидели тебя? – яснее ясного услышал Хомка. – Обидели, да, маленькая? Ничего, больше тебя никто-никто не обидит. Я, Вилья, обещаю тебе это. Что? Не веришь? Правильно делаешь. Верить просто так нельзя. Но я докажу. Вот смотри, маленькая...

Лёшек успел выстрелить. Хомка точно знал, что успел, по крайней мере пустил один дрот, почти в упор, да нет, точно в упор, до женщины в красном было не более сажени.

Он промахнулся. Неведомо как, но промахнулся, во всяком случае, женщина в красном даже не дрогнула. В следующий миг алое платье мелькнуло уже у Лёшека сбоку, потом за спиной, а он всё ещё только поворачивался. Женщина взмахнула рукой, едва задела Лёшеку шею, и тот вдруг взвыл диким голосом, опрокинулся и принялся кататься по земле, а откуда-то из-под уха бил вверх такой фонтан крови, каких никогда не бывает, даже когда обычному человеку рассекут артерии.

Копыто заорал, замахиваясь дубиной – женщина играючи уклонилась, крутанулась и ударила наотмашь с такой быстротой, что Хомка вообще не различил движения. От щеки разбойника полетели кровавые ошмётки, вскрылись кости челюсти, скулы, носовая полость. Копыто страшно взвыл, ноги у него подкосились.

Лёшек всё катался по земле и вопил, исходя кровью. Женщина же одною левой вздёгнула Копыто с колен и дала ему пощёчину, ещё одну, обратив в такую же жуткую кашу и вторую половину лица разбойника.

Отпустила, словно брезгуя. Копыто опрокинулся на спину и продолжал выть, каким-то чудом не лишаясь сознания.

– Вот так, маленькая. Больше они никого не обидят. А мы с тобой пойдём. Да-да, пойдём, маленькая. Но сначала...

Гасило всё понял. И, отшвырнув мешок, метнулся к изгороди, норовя перемахнуть и скрыться в подступавших совсем близко кустах, однако женщина в красном, назвав себя Вильей, в один миг очутилась рядом, схватила за шиворот и высоко приподняла над землёй, так, что ступни парня беспомощно болтались в воздухе.

– Иди сюда, бедная, – негромко и мелодично позвала Вилья девочку.

Та подошла, послушно, как зачарованная.

– Как тебя зовут, дорогая?

– Б-беата... – пролепетала малышка.

– Беата. Имя-то какое красивое... Иди сюда, ничего не бойся. Я защищу тебя.

Девочка кивнула, не сводя широко раскрытых глаз с Вильи.

– Здесь свершилось очень большое зло, маленькая. Вот этот, – Вилья кивнула на Гасило, – этот предал вас всех. Он должен быть наказан.

– Госпожа... смилуйся... – захрипел бессмысленно дёргающийся и трепыхающийся Гасило. – Смилуйся, не губи...

– Поздно плакать, – безо всякого выражения сказала Вилья. – Ты будешь наказан. А она, – кивок на безмолвную девочку, – должна увидеть, как торжествует справедливость. Ну, что мне с ним сделать? Скажи, маленькая.

Однако девочка по имени Беата молчала, её била крупная дрожь.

Вилья подняла брыкающегося Гасило повыше.

– Скажи же мне, маленькая.

Беата отчаянно затрясла вдруг головой.

– Не можешь выбрать, – усмехнулась женщина в красном. – Вполне объяснимо. Что ж, в таком случае я позволю себе последовать собственному вкусу. С предателями и насильниками, подобными ему, поступать следует вот так...

Она резко перевернула Гасило вниз головой, взяв за щиколотки. Безо всяких усилий подняла. Поддёрнула выше, схватившись за надколенья.

И медленно принялась разводить руки в стороны.

Хомка зажмурился. Это всё, на что его хватило.

Дикий, рвущийся визг Гасило раздавался ещё довольно долго.

– Вот так и только так, – наставительно сказала Вилья замершей, точно в трансе, девочке. – Всех этих насильников – а они все насильники, дорогая, – раз, и напополам. Ну, ничего, ничего, маленькая. Привыкнешь. Это совсем нетрудно, нам надо сделать только одну совсем малую малость... не бойся, больно не будет.

И женщина склонилась к шее девочки. Обмерший Хомка увидел, как блеснули жемчужные клыки, острые, словно иглы. Они вошли Беате в основание шеи, однако малышка даже не вздрогнула, словно и впрямь ничего не почувствовав. Она смотрела на всё ещё вопящих и корчащихся на земле Копыто с Лёшеком. Смотрела на грудку окровавленного мяса, оставшуюся от Гасила.

Смотрела так, словно не видела в жизни ничего прекраснее.

Хомке казалось, что прошла целая вечность.

Женщина наконец оторвалась от замершей девочки, губы и подбородок были покрыты алым. Хомка ждал, что ребёнок сейчас свалится замертво, однако девочка вдруг замигала, заморгала, губы её скривились; женщина в алом пошатнулась, упала на колени, словно растратив все силы.

Напади. Ударь. Сейчас самое время!

Но Хомка не мог. Он трусил. Страх вывернул его наизнанку, последние запасы какой ни есть храбрости растратились на то, чтобы выпустить обречённых на сожжение баб из горящего амбара.

Над крышей бесилось пламя, перекидываясь на соседние строения хутора. А Лёшек с Копытом всё вопили, всё орали, и кровь в них всё не кончалась, и мучения их не кончались тоже.

Хомке их жалко не было. Как и себя. Потому что по-хорошему если, надлежало ему точно так же валяться, кататься и заходиться истощным ором рядом с двумя другими разбойниками.

Сколько времени женщина в красном пила кровь из девочкиной шеи? Сколько времени длился этот кошмар?

– Они обидели тебя, – слышал Хомка медленную речь той, что назвалась Вильей. – Больше они никому не причинят вреда. И ты, маленькая, будешь тому порукой. Ни они, ни им подобные. А пока... смотри, как надо!

Вилья одним гибким движением очутилась рядом с катавшимся по земле Лёшеком, тщетно пытавшимся зажать кровяной фонтан, бьющий из шеи. Склонилась над ним, резко впила в рану белыми клыками. Лёшек заорал и вдруг обмяк, руки бессильно раскинулись.

Вилья пила. Девочка медленно приблизилась, глядя внимательно и с интересом.

– Хочешь попробовать? – отодвинулась вампирша.

Девочка неуверенно кивнула. А потом приникла к ране.

Что было потом, Хомка помнил плохо. Помнил, как от одного взмаха Вильи тела Лёшека и Копыта раскрылись, словно кофры, вывалив дымящиеся внутренности. Помнил, как девочка, жадно урча, ползала среди всего этого ужаса, запихивая в рот сырое мясо – сердце и печень, как указала ей Вилья.

– Ешь. Ты станешь моим лучшим творением. О, да, лучшим, небывалым, не как все... Из тебя выйдет настоящая охотница. У тебя есть дар, моя дорогая...

Хомка ощутил, как содержимое желудка в очередной раз поднимается к горлу.

– А для тебя, жалостливый, тоже работёнка найдётся. – Вилья резко выпрямилась и шагнула к нему. – Не бойся, не укушу. Пока. И она не укусит. Тоже пока. Если хочешь жить и, – она тонко, змеино улыбнулась, – и добро творить, станешь вот ей прислуживать. Иди за мной, раб.

Хомка ощутил, как неведомая сила подняла его на ноги, и они, эти ноги, стали переставлять себя сами.

Девочка урчала и лопала.

Оторванные головы Лёшека и Копыта глядели на уцелевшего подельника пустыми мутными глазами.

Что было дальше, Хомка не помнил совсем.

Пролог III

По имени Магда

Свет падал сверху, через застеклённый фонарь атриума. С серого неба сыпал дождь, барабанил по крыше; тихонько журчала вода в трубах, стекая в неглубокий имплювий[5 - Имплювий – бассейн для сбора дождевой воды; зачастую являлся центральным элементом ландшафтного дизайна.].

Человек на высоком троне сидел очень прямо, соединив кончики тонких бледных пальцев, лицо скрывалось в тени низко надвинутого капюшона.

– Итак, дорогая Магда, вы отправляетесь на первое действительно важное задание.

– Да, наставник.

– И оно не просто «важное», оно «особо важное».

Возле края квадратного бассейна стояла статная девушка в тёмно-зелёном плотном плаще, закрывавшем её с головы до пят. Очень светлые волосы заплетены в две толстые косы, достигавшие пояса. Внушительная высокая грудь, тонкая талия, соразмерные ладные бёдра. На таких оборачиваются.

Лицо... Красивое лицо. Приятное, правильное. Точёный прямой нос, чуть заострённый подбородок, ямочки на щеках. Особенно, однако, выделялись глаза – странного золотистого цвета.

– Не сомневаюсь, – человек в капюшоне, поименованный «наставником», говорил негромко, не глядя на девушку, – не сомневаюсь, что вы отлично запомнили все нюансы и тонкие моменты. Ваш excogitatoris[6 - Excogitatoris – буквально «создающий, творящий» (лат.). Здесь – «планирующий задание».] уже обсудил с вами все детали. Я же, напутствуя, хотел добавить лишь одно: что бы вы ни задумали, Магда, что бы ни предприняли, выполняя задание, елико возможно, старайтесь оставаться в рамках обыденного.

– Да, наставник, не привлекать к себе внимания, это краеуголь...

– Нет, – тонкие пальцы шевельнулись. – Не просто «не привлекать к себе внимания». Не делать ничего, что выбьется из обыденного для той местности, где вам выпадет оказаться. Ничего, способного возбудить подозрения тамошнего нобилитета и особенно – магов Капитула. Ничего, ранее там не случавшегося. Разумеется, до определённого момента. Вы поняли меня, Магда?

– Да, наставник. – Девушка медленно склонила голову. – Ничего экстраординарного. До определённого момента.

– Именно. Я надеюсь, вы уже окончательно и бесповоротно забыли своё настоящее имя, забыли, что «Магда» – это только здесь и со мной. Excogitatoris знал вас под другим прозвищем, при исполнении миссии вы выберете иное имя. Подорожные, рекомендательные письма и прочее являются сугубо вашей ответственностью. Вы и только вы можете решить на месте, в чём будете нуждаться.

– Да, наставник.

– «Магдой» будете подписывать только донесения мне. Я буду читать их лично. Я и только я. Но это вам и так известно. Чрезвычайная важность вашей миссии требует и чрезвычайных мер секретности. Действуйте жёстко и решительно, не останавливаясь перед ликвидацией любого, кто может поставить под угрозу конечный успех. Возможный приз слишком велик и ценен, чтобы рисковать.

– Дозволено ли задать вопрос, наставник?

– Дозволяю, Магда.

– Простите мою дерзость, наставник...

– Сегодня – только вам и только сегодня! – я прощу любую дерзость, моя дорогая.

– Почему именно я? Почему... почему не вы? Или не мой excoordinatoris? Ведь вы же самые лучшие, лучшие из лучших. Почему Орден доверяет такое дело мне? Что-то случилось? Обстоятельства изменились? Ваши предостережения...

Наставник помолчал, меряя шагами пространство перед троном.

– Конечно, Магда. Вы можете задать и эти вопросы, и ещё другие – почему вообще полученный нами материал, величайшая драгоценность Ордена, покидает наши стены? Почему мы не заперли его в самых глубоких подземельях?

– Я...

– Нет, не перебивайте. Обычно я просто отдаю приказы. Но вам – опять же, только вам и только сегодня – я объясню. Конечно, и я, и другие старшие адепты нашего Ордена святого Петера могли бы это сделать. Но мы привлечём к себе ненужное внимание. И Империя Креста, и малые королевства Припроливья, и маги Конгрегации – все следят за нами. Мы последний оплот истиной веры. Синклит патриархов не защитил изначальный символ Спасителя – его Стрелу, дал распространиться ереси – простой крест, на котором Он принял мученическую гибель, то есть символ конца и смерти вместо символа надежды. Лжепророки убедили Синклит, что, дескать, всем дозволено верить как угодно и

возводить какие угодно храмы, и не важно, что их венчает, лишь бы учение Спасителя оставалось в неприкосновенности... Проклятые ересиархи, что весь мир толкают к геенне огненной!.. Ибо гнев Спасителя страшен есть, и отвернувшиеся от Него и допустившие прельщение есть обречённые...

Наставник замер, воздев сжатые кулаки. Глаза горели безумным огнём, он словно бы оказался перед толпой с топорами и вилами, готовой идти на приступ твердыни ересиархов.

Он глубоко вздохнул, опуская руки. Кашлянул, одёрнув накидку, поправил капюшон.

– Мы должны сохранять тайну, мы – последний оплот истины и последняя надежда погрязшего в грехах мира. Но кто мы такие, чтобы судить его? Наш долг – сделать всё, чтобы Он, вернувшись в канун Судного Дня, нашёл хотя бы одного праведника...

– Ибо тогда сердце Его умягчится, станет воску пчелиному подобно и слёзы радости прольются из глаз Его, – подхватила девушка, словно в трансе.

– Воистину, дочь моя. Поэтому Орден обязан хранить себя в чистоте и в тайне. У нас слишком много врагов. Падшие патриархи, нечестивые маги, утопающие в разврате правители. Мы же блюдём себя, и нет у командоров Ордена иного имущества, кроме лишь простой одежды, прикрыть наготу, да простого же оружия. Поэтому вы, Магда, отправитесь одна. И помните, что спасение мира требует от нас жертвы, жертвы всем. Ибо как можно призывать к чистоте и праведности других, когда сам возлежишь на роскошном ложе, предаёшься чревоугодию и сластолюбию? Вы знаете, дочь моя, что командоры Ордена приказывают лишь потому, что сами праведны. Всякий может вступить в мою келью и увидеть, что там нет ничего, кроме лишь абсолютно необходимого. Мы не умерщвляем плоть, ибо плоть – наше оружие, такое же, как меч или щит; и, как нуждается сталь в смазке, так и плоть наша нуждается в должном уходе. Ибо если не мы, то кто же?

Он перевёл дух – похоже, подобные речи даже для одного-единственного слушателя доставляли ему немалое удовольствие.

– Поняли ли вы, Магда? Орден не посылает лучших из лучших, ибо, во-первых, неприятели наши не дремлют и, во-вторых, как могут обновляться наши ряды, если такие, как вы, Магда, воспитанные Орденом, не примут на свои плечи груз нашего долга? Лучшими не рождаются, лучшими становятся, дочь моя. Вам потому выпала великая честь. Обрато вы вернётесь уже не старшей послушницей-оруженошей, но младшей сестрой-воительницей. И не бойтесь прервать, в случае надобности, жизнь еретика – мы не стремимся к зряшным убийствам, но если стоит выбор – безопасность члена Ордена и исполнение им своего долга всегда должны пребывать на первом месте. Еретик же... чем меньше он живёт, тем меньше совершает грехов и преступлений против изречённого Спасителем, и тем самым путь его души в посмертии облегчается.

– Я поняла, наставник. – Девушка смиренно сложила ладони перед грудью.

– Прекрасно, моя дорогая.

– Но, наставник... этот материал... с которым я... Его источники...

– Магда, с одной стороны, если бы вам не хватало каких-то деталей, необходимых для успеха вашей миссии, вы бы получили их гораздо раньше.

– Понимаю, наставник. – Девушка вежливо поклонилась, ничем не выдав разочарования.

– Однако вы правы, обстоятельства изменились, – проговорил тот, кого именовали «наставником». – Да, в наши руки попал известный вам материал... И те, кто его нам вручил, разумеется, ведут свою собственную игру, однако на данном этапе наши стратегические цели с ними... достаточно близки.

Магда молча кивнула.

Наставник заложил руки за спину, приблизился почти вплотную.

– Эксперименты брата Бартоломея были крайне обнадёживающими, моя дорогая. Вы тоже показали себя с наилучшей стороны. Настала пора действовать не только в пределах сей крепости, её тайных подземелий. Мы в ответ передаём нашим партнёрам большую партию затребованного ими товара.

Живого товара. За это отвечают другие адепты нашего Ордена, вас это волновать не должно. Вы явили себя самой способной к работе с данным материалом. Он нуждается во всесторонних испытаниях в условиях... ну, вы понимаете, в каких. Для этого – и только для этого – вам разрешается «экстраординарность».

– Я поняла, наставник.

– Я очень на это надеюсь, – сухо сказал человек в капюшоне. – Как было доведено до вас, Магда, наши... содеятели уже потеряли к северу от тех краёв несколько весьма опытных и бывалых... *speculatores*[7 - *Speculators* – здесь: наблюдающие, разведывающие (лат.)] или же посыльных, отправленных с какими-то миссиями. Потеряли при совершенно непонятных и невыясненных обстоятельствах. Это ставит под угрозу все далекоидущие планы. И уже потому вам ни в коем случае нельзя следовать обычной дорогой, путём, которому учили и вас, и остальных. На испытаниях вы явили недюжинную способность действовать не по шаблону, дерзко и неожиданно даже для издававших виды командоров...

Девушка по-прежнему глядела вниз и не позволила себе даже тени улыбки.

– Благодарю вас, наставник. Я оправдаю доверие.

Она резко склонила голову.

– Я очень надеюсь, Магда. Будьте внимательны и сосредоточены. Предостерегаю вас от безоглядного доверия нашим *socium tractatui*[8 - *Socium tractatui* – партнёр по переговорам (лат.)]. Всегда обеспечивайте себе путь отхода при встречах с ними. Знайте, что они очень опасны и непредсказуемы. И даже не потому, что как-то особенно коварны – все, стоящие вне пределов нашей с вами истинной веры, исполнены скверны, и коварство – её часть; а потому, что этого может потребовать их телесная природа, ибо слишком сильно отличаются они от нас.

Помните, неудачи не должно быть! Ибо в противном случае последствия могут оказаться для вас – как, впрочем, и для нас – весьма трагичны.

– Я не боюсь, наставник.

– Знаю. И потому выбрал именно вас. В случае же успеха – с материалом – наш Орден сможет наконец выйти из подполья. Еретики склонятся пред нами, и мы железной рукой сможем покончить с язвой греха и разврата!

– Да, командор.

Наставник со значением кивнул.

– Отправляйтесь немедленно, и да хранит вас Спаситель Истинный.

Глава 1

Мастер и Ученик

Двухэтажный бревенчатый дом, что стоял в конце узкой, полужаросшей тропы, казался нежилым. Забор покосился, калитка сиротливо висела на единственной проржавевшей петле. Серые брёвна стен, некогда мощные и ровные, разошлись и растрескались. Окна были выбиты, ставни сорваны, тесовая крыша просела в двух местах, из-за стрехи поднимались молодые, несмотря на осеннюю пору, побеги волчьего гона.

Он первый приходит на оставленные людьми места, и ему нипочём даже холода листопадной поры. Острые листья торчали, словно наконечники копий, пронзившие плоть ненавистного врага.

Двор тоже зарос почти весь, поднялись буйно крапива, злой болиголов, сорные луговые травы. Всё уже пожелтело и пожухло, но пока что сопротивлялось мертвящему дыханию осени. Малинник с любопытством заглядывал в пустые глазницы окон; мелкая зелень поднялась вдоль наличников, а в торцы брёвен уже вцепился алчный серый мох. Он приходит последним за добычей и после себя не оставляет даже гнилушек. Дому стоять ещё от силы два, самое большее – три лета.

А потом всё.

Но пока ещё дом держался, ещё противился напору леса, упрямо вцепляясь в землю нижними венцами. Он ждал и надеялся, что хозяева всё-таки вернуться.

И тогда ненасытному серому мху-древоеду несдобровать.

От калитки к приотворённой двери вёл едва заметный след из примятых трав. Вот сломанный стебель болиголова; широкий венчик его валяется в стороне, словно сбитый чьим-то ударом. Вот небрежный каблук пришельца выкрошил коричневую щепу из подгнившей ступени; а вот, уже явно забавы ради, с размаху пнул покосившуюся створку двери, так, что остался чёткий след.

Сапог. Вернее, сапжок, нога небольшая, явно женская или мальчишеская.

А потом незванный гость исчез во тьме пустого дома.

Растворился в вечном сумраке, сгинул то ли в подполе, то ли в запечье. И вновь настала тишина. Мягкая, обволакивающая, убаюкивающая, тишина убежища, надёжного, верного, никогда не подводившего...

За тишиной приходил сон, когда восстанавливаются потраченные силы, утихает на время зверский голод и можно прийти в себя, подумать, решить, что делать дальше.

Однако на сей раз всё пошло по-иному.

Две пары ног осторожно прошагали от калитки к дому. Одни остались у входа, другие неспешно двинулись кругом. Царил яркий день, солнце стояло в зените, тени сжались испуганными комочками.

Крикнула над покинутым двором печальная птичка-невеличка, перелётная черногрудка. Крикнула и раз, и другой, и третий.

Те ноги, что застыли у переднего крыльца, медленно-медленно стали подниматься. Задержались на миг: словно обладатель их смотрел на оставленный малым сапжком след. Шагнули через высокий порог, оказались в тёмных и прохладных сенях.

В сенях первая пара ног оставалась долго. Что-то творилось, расставлялось, натягивалось, напружинивалось, нацеливалось. Шагать приходилось мягко-мягко, по-кошачьи, постоянно замирая и прислушиваясь.

А руки, закончив устанавливать, напрягать и взводить, достали небольшие песочные часы, заполненные светящимся песком; глаза взглянули на последние песчинки, проскальзывающие сквозь перетяжку, и чуть прищурились.

Всё было правильно, и всё было готово.

Оттуда, с задов дома, вдруг раздался треск и грохот, словно дикий медведь-шатун в ярости принялся отдирать когтями намертво прибитые поперёк амбарных ворот жердины. Кр-р-рак! – жалобно поддалась одна из них, и в тот же миг глубины дома ожили.

Там что-то вскинулось, взворохнулось, завертелось. Как? Что? Почему? Откуда? Это неправильно, тут никого не должно было быть!

Но первый испуг пропал почти мгновенно, поглощённый злобой и голодом. Нет, не просто злобой, злорадством. Запах, запах человека – там, за амбаром. Кто бы ни притащился сюда – случайный ли лесоруб, заплутавший бортник или даже купчик, сбившийся с большой дороги, нам сгодится любой.

Прятавшееся в сердцевине дома скользнуло к выходу. Немного странно, что полезли с заднего двора... но, в конце концов, какая разница?

Хлопнула откинутая крышка подпола. По давным-давно немытым доскам прошелестели стремительные, бесшумные, нечеловечески быстрые и нечеловечески же мелкие шажки.

Заскрипела на несмазанных петлях ведущая в передние сени дверь, заскрипела, распахнулась, да в тот же миг и захлопнулась.

Вспыхнул свет. Яростный, режущий, жгучий, невыносимый. Свистнуло что-то и ударило в дверь, заскрежетало, ввинчиваясь в неподатливое старое дерево, намертво запирая выход.

Свет резал глаза, уже успевшие перейти в ночь, но среди сияния всё равно угадывалась смутная фигура, державшая в руках нечто похожее на арбалет.

Извернуться! На него! Неважно, кто он и откуда, пусть от него не пахнет живым – на него!

Звон, треск, лязг.

Хлопнула высвобожденная пружина, взметнулись с пола тонкие, тщательно смазанные цепочки, опутывая пытавшегося вырваться, обвиваясь вокруг него, словно змеи. Время уже замедлялось послушно, готовое расступиться для решительного броска, уже тянулись клыки и когти; но тут оружие в руках странной, не имевшей запаха жизни фигуры встрепенулось, обе тетивы сорвались с крючков, распрямились дуги, со страшной силой швыряя вперёд два толстых и коротких болта, какими бить можно только и исключительно в упор.

Они вгрызлись в плоть, разрывая кожу, мышцы и сухожилия, дробя кости, проникая всё глубже и глубже, круша на своём пути всё и вся; и от них растекалась боль, ужасная, жгучая, огневеющая, от которой подкашивались ноги и всё плыло в глазах, и без того терзаемых беспощадным светом.

Но злоба и ненависть были сильнее боли, они гнали и гнали по жилам тёмную кровь, вязкую, словно смола, они заставили кости пальцев обернуться острейшими когтями, взметнули их к горлу подлого, предательски напавшего врага, врага без чести и совести; и когти бы дотянулись, всенепременно бы дотянулись, если бы в спину вдруг не ударило что-то тупое, толстое, вошедшее в основание позвоночника и отделившее его от таза.

Боль была теперь повсюду, руки перестали повиноваться.

Это было невозможно и неправильно. Как же так?! Нет, нет и нет!

...визг, высокий, вибрирующий, терзающий слух. Он оборвался, когда обладатель первой пары ног спокойно опустился на корточки возле воющего, визжащего существа, аккуратно и точно опорожнив тому в рот склянку с дымящейся, остро пахнущей кислотой.

– Вот так, парень, и только так. Смотри и запоминай.

Кислота делала своё дело, обращая плоть и кости в обугленные чёрные лохмотья. Боль на миг разжала когти, и существо увидело склонившихся над ним двоих людей, один из которых держал в руке пустую скляницу, а другой опирался на устрашающего вида кол.

– Пусть помучается, – жёстко сказал первый.

– Пхошхади-и-и... – вырвалось из разрушаемой адским зельем гортани, но человек лишь усмехнулся.

– Вот всегда они так. Страшно им, томно им перед концом-то, даже если это такой вот зелёный щенок, только что обращённый. Дохни, отродье, ты так быстро от меня в смерть не сбежишь. Ещё кислоты плесни, нехай ему повеселее будет, – велел он второму, с колуном.

И тот плеснул.

Огонь заполнял гортань и носоглотку, огонь растекался, проникая всё глубже. Но и это был ещё не конец, существо ещё могло сопротивляться, однако двое нападавших всё предвидели. Измазанный чёрной густой кровью, липкой и тянущейся, заострённый кол поднялся и резко опустился, ударив в грудь, проломил рёбра, пригвоздив ещё живое создание к полу.

Мир начал гаснуть.

– Кислоту-то, того, лить не забывай, – ласково сказал старший. – Лей, парень, лей. Колом орудуй, не без того, но и снадобье тоже потребно. А то слишком быстро сдохнуть может.

– Так он ведь уже...

– Всё равно. Пока что-то чувствует – недохлый. Кислоту лей, кому говорю! Потом голову ему отсечёшь. А как справишься – молоток бери.

– З-зачем молоток?

– Клыки красавцу нашему выбить, как положено. Иначе от князя награды не видать. Да не зеленой ты, ничего, ничего, справишься. Клыки выбьешь, голову после этого в мешок, что мэтр Бонавентура нам вручил, положишь, жидкостью – спиритусом – зальёшь. Потом мэтру отвезём. А вообще ты молодец. С первым взятым упырём тебя, приятель.

* * *

У костра в осеннем лесу, прозрачном и лёгком, где струятся по ветру серебристые нити паучков-странников, сидели двое. Рядом паслись, уткнувши морды в опавшую листву, два здоровенных ездовых варана. Время от времени то один, то второй поднимали чешуйчатые головы, глядели окрест желтоватыми глазами, где отражалось лишь неземное блаженство – вараны всегда блаженствовали, когда ели, а есть им было всё равно что: солому, сено, кору, ветки, траву, сгнившие овощи или, вот как сейчас, опавшие листья.

Старший, наполовину седой, кряжистый и широкоплечий мужчина со впалыми щеками и кустистыми бровями, нависшими над тёмными глазами, пошевелил дрова в огне. Лето уже убегало, утекало на дальний юг, с севера тянуло холодом, ветер обнажал чёрные ветви старых вязов. Седой поправил застёжки, потуже запахнув выдавшую виды кожаную куртку, натянул шерстяной капюшон. На вид ему можно было дать лет сорок, загорелая кожа выдавала того, кому пришлось отмерить этим летом немало лиг под открытым небом. Он носил не меч, как большинство у людей, но гномью секиру, всю усаженную шипами и крюками. Такое оружие делается только под определённую руку, не просто так, на удачу или на продажу; взявший её впервые наверняка счёл бы все эти ухищрения ненужными и неудобными.

На поваленном бревне рядом с человеком лежала пара небольших двухдужных самострелов. Такими частенько щеголяют городские воры, да держат их в будуарах дамы полусвета – на всякий случай. Толку от этих игрушек в серьёзном деле никакого, стрела едва ли пробьёт тяжёлый рыцарский доспех; однако и старший, и его младший товарищ – каждый имели по паре таких арбалетов.

И если присмотреться, то становилось понятно, что игрушками эти самострелы отнюдь не были. Необычно толстые дуги. Непривычно толстая тетива на каждой паре. Рычаг взвода, предохранитель, шептало переводчика стрельбы – можно

было послать два болта разом, а можно – один за другим.

Дорогая работа, и дорогая не отделкой, а скрытой под накладными полированными пластинами механикой.

Второй путник, совсем молодой и безусый мальчишка был... в общем, совсем молодым и безусым мальчишкой. С румяными щеками и нежным пушком на подбородке. Он тоже носил добротную кожаную куртку, кожаные же порты и высокие сапоги; у пояса юноши висел длинный кинжал явно гномьей работы.

– Для первого раза неплохо, парень. Очень даже неплохо.

– Благодарю вас, мастер.

– Не каждому удаётся вот так своего первого упыря взять – и чтобы на нас с тобой ни одной царапины.

– Так вы сами сказали, мастер, упырь-то, мол, хиленький, мелкий и...

– Всё правильно. Так я и говорил. Упырёк и впрямь мелкий, хиленький, только что обращённый и, видать, совсем ума лишившийся, то ли от страха, то ли от предвкушения. Забился в глушь, где его так легко выследить; спрятался в подполе, откуда только один выход; попался на все мои приманки. Как раз с таких и хорошо начинать, парень. Однако достался нам с тобой упырь, именно что упырь, а не гуун. Кто такие гууны, парень, вспомнишь?

– Конечно, мастер. Гууном именуется недовампир, жертва крововысасывания, получившая в процессе первичную дозу экскретов вампирьих желёз, что являет начальный этап перевоплощения в настоящего упыря. Гууны отличаются немалым разнообразием, вампиры умеют придавать им нужные качества – силу, выносливость, быстроту... Такие создания внешне уже отличаются от человека, порой значительно. Обычный же гуун, безо всяких... э-э-э... усилений – очень похож на нас.

– Всё верно, молодец. Как же это случается и когда?

– Случается, мастер, когда нападавший вампир изливает первую дозу ихора, но дальше не двигается, ограничившись впрыскиванием содержимого подскульных железистых мешков; это приводит к утрате жертвой свободы воли, способности рассуждать, значительной части воспоминаний и навыков. Укушенный таким образом становится гууном, недовампиrom, рабом упыря, покорным и нерассуждающим. У кровососов всякого ихора много, но для гууна того самого, подскульного, ещё больше требуется, чем для полного превращения. Когда упыри до конца доходят, когда жертву в вампира превращают, разные другие их яды в дело идут, но каждого – поменьше.

– Молодец. Красно говоришь, гладко, как по книжкам, даже не теми словесами, которыми я тебя учил. Запоминаешь, парень. И наша сегодняшняя добыча – это не гуун, в бою не слишком опасный, если, само собой, он не бойцовая тварь, специально для этого выращенная. Но и тогда, коль головы не терять и глупостей не делать, ты с ним справишься – гуун может быть и силён, но туп, в отличие от вампира. А здесь у нас с тобой, приятель, самый что ни на есть настоящий упырь. Молодой и голодный. Ты его взял – молодец, честное слово, молодец.

Но всё равно, дружище, я тебе серьёзно говорю – запомни, назубок затверди две вещи, если, конечно, хочешь со мной остаться. Ну, или хотя бы выжить. Только две, большего от тебя пока что не требую.

– Внимаю вашему слову, мастер.

– Заковыристо выражаешься, однако. Книжник? Впрочем, не важно, мы, охотники, друг другу вопросы о прошлой жизни не задаём. Так вот, ни один человек ни разу не смог одолеть вампира в «честном поединке». Гуунов – случалось, да, и не то чтобы очень редко. Чего ёжишься? Так оно и есть. Почему оно так, разумеешь?

– Да, мастер. Вампиры невероятно сильны, быстры, почти не замечают ран, могут быть убиты лишь прямым ударом в сердце или срубанием головы. Что мы, мастер, сегодня и проделали.

– Молодец, парень, вижу, запоминаешь. Хотя, конечно, есть и другие средства их упокоить, но, в общем, верно. Или голову с плеч, или серебряный клинок сквозь сердце. Этому мы голову снесли. Кислота кислотой, она дело хорошее, но

кончать упыря лишь с её помощью – себе дороже, только если целиком в кислоте этой растворить. Не напасёшься, всю жизнь на алхимиков работать станешь, такого кредита нам даже мэтр Бонаventura не откроет.

– Мастер, а зачем ему головы-то упырьи?

– Изучает он их. Вскрывает. Dissects, как он сам говорит по-учёному. Железы их изучает, яды, ихор то есть. Вот и эту башку ему снесём, когда с делом покончим. Всё равно эликсиры пополнять надо. Но я про другое сейчас. Хочу я, чтобы ты запомнил, парень: самый сильный силач нашего рода рядом даже с самым слабеньким упырём – что кутёнок. Самый быстрый бегун – что черепаха. Ну и так далее, парень, и так далее. Не дрожишь ещё пока?

– Никак нет, мастер.

– Это правильно, что не дрожишь. Этот, сегодняшней, – мы его на испуг взяли. Он отлёживался, солнце для него сразу после трансформации – что нож острый, глаза света не переносят...

– Вы поэтому его вспышками и ослепили, мастер?

– Именно. Ими и ослепил, едва тот через порог в сени вылетел. Молодой, говорю ж, и глупый. Будь упырь хоть чуток постарше, ни за что дурости такой бы не сотворил. А как бы он поступил, знаешь, парень?

– Вы говорили, мастер, выждать бы стал...

– Так. Он бы не дёрнулся, не шелохнулся бы. Выждал бы, пока мы внутрь зайдём, пока в подпол влезем. А вот тогда он нас бы и схарчил.

– Но мы не полезли бы в подпол, верно ведь, мастер?

– Разумеется, парень. Те, кто напролом упырю навстречу прут, долго не живут. И мы бы, конечно, к нему очертя голову не полезли. Но об этом после говорить станем.

А вторая вещь, которую тебе знать надо, – ни один вампир ни разу не смог одолеть... кого?

– Себя, мастер. Свою природу одолеть они не могут.

– Молодца. Именно что природу свою. Взять хоть нашего сегодняшнего. Что с ним случилось? Жрать хотел, крови хотел. Налетел на ту девчонку, разорвал всю, налопался до закачения зенок. Ничего не соображал уже, заполз в первое попавшееся место. Нам с тобой его даже искать не пришлось. Что всё это значит? Упырь не может не жрать, вот что.

– Как и мы, мастер...

– Ёрничаешь, парень? Это хорошо, это правильно, но только до некоего предела. О коем тебе и напомнит мой подзатыльник.

– Ой!

– Ничего, терпи. Сам знаешь, я без дела рук не распускаю. Так вот, сказал-то ты верно – упырь не может не жрать. Таково его упырье естество, и там, где мы, люди, можем себя сдержать, поголодать, если надо, последнюю краюху отдать тому, кто ещё пуще нашего мучается, упыри никогда... что сказать хочешь, парень?

– Так ведь люди-то, мастер, люди – они тоже разные бывают...

– Правильно говоришь. На иного посмотришь – ей же ей, иной упырь краше покажется. Да, хуже вампиров люди порой. Не зря ж из них самые злые кровососы и получают. Не из эльфов там или орков – а из людей.

– А из гномов, мастер?

– Ни разу не слышал. И не встречал. И никто не встречал. Гюнтер плёл что-то такое, ну так на то он и Гюнтер, чтобы языком молоть. А вот знавал я одну чародейку, Кларой Хюммель звали, не ведаю, откуда, но не нашенская она, точно – так вот говаривала та волшебница, что не родился ещё такой упырь, чтобы гнома смог бы обратить. Мол, у гномов совершенно невероятная

резистентность к такого рода делам.

- Резистентность, ага... ну да, понятно. Устойчивость.

- Хм-м, парень, а ты точно из книжников. Я-то это слово сам только с десятого раза выговорить смог правильно. Устойчивость, верно. Сопротивляемость. Но не важно, главное – что гномов-упырей мне досель не встречалось и, сподоби силы заокраинные, не встретится. А у нас с тобой начинается дело уже настоящее, за что князь нам деньжат авансом-то и отсыпал. Мальчишка-кровосос-то сегодняшней не просто так тут очутился.

- Так, мастер, значит, именно тут и сидит тот, кто его обратил?

- Нет, парень, соображаешь ты быстро, хорошо, но тут вот ошибся. Тот, кто паренька этого с пути истинного сбил, кто его обратил, того тут давно уже нет. И след простыл, да не просто простыл, а всеми мыслимыми чарами затёрт. Старый вампир здесь прошёл, приятель, старый и сильный. Проскользнул незамеченным, долго, видать, скрывался, высматривал, выжидал. Ну и... дождался. Не одного парнишку этого, нами с тобой упромысленного, он обратил. Попался в его сети и ещё кто-то. Кто-то, кто княжескую дочь сгубил. Жаль, князь про этого гада ничего толком сказать не смог. Вот этого второго нам сыскать и надлежит, за это награда и положена. А это потруднее выйдет, чем нашего сегодняшнего торопыгу на кол нанизать. Но всё равно – надлежит его найти и поступить с ним соответственно. Опять спросить чего хочешь?

- Д-да, мастер... а почему мы упырей-то этих по одному ловим? Ловим по одному, а они всё лезут и лезут. Всё больше их и больше с годами. И народ на рынке болтает, что, мол, есть тайное вампирье царство за горами, оттуда они к нам и пробираются, и, пока стоит оно, ничего с кровососами мы не сделаем. Одного на кол посадим – трое других появятся.

- В корень зришь, парень. Я не я буду, если из тебя толка не выйдет. Упырей и впрямь больше становится, мы, охотники, промеж себя давно уже заметили. Кто-то зубоскалить принялся, Мартин-косой, если не ошибаюсь: мол, хорошо, работы больше, деньжат тоже. Вот уж поистине, бывают и среди охотников дураки, хоть и удачливые... Чепуха это, конечно. Каждый новый вампир – новые смерти. И новые вампиры, когда в силу войдёт.

А про «царство» ты не слушай. Нет его. Я бы знал. Даже Гюнтер о таком врать остерегается. Но правильно ты говоришь, что лезут они откуда-то; да, верно, лезут. И мы, охотники, знаем даже, откуда. Из Гнилогорья. Сидит там где-то за трясинами на закатном берегу Вирра старый их верховодник, пахан, знаешь, как у воров бывает. Главный над ними, стало быть. Сидит сиднем, никуда сам не вылезает, летает нетопырём разве что, кровь сосёт осторожно и с оглядкой, головы не теряет. Да и зачем, ему мелкие подручники всё сами приносят-приводят. И вот чтобы до этого пахана добраться, надо сперва лишить его тех самых подручников, не дать мелким выкорышам силу набрать, устроиться в людских пределах, гнёзда их надобно вскрывать по одному, как нарывы. Потому как от гнёзд тех и большие беды проистекают, но про то сейчас тоже говорить не станем. И знаешь, что тут главное, во всей этой вампирьей карусели?

– Что, мастер?

– Сам не сообразишь? Зря я тебя хвалил?

– Э-э... Сажать их на колы быстрее, чем они появляются?

– В точку. Никакой упырь, даже самый старый и сильный, не может творить новых неисчислимыми ордами. Высосать кровь, убить, сожрать сердце и печень – это пожалуйста, это когда угодно. А новых упырей создавать – нет, не может. Даже гуунов не может. Ждать надо, пока слюна ядовитая накопится, ихор поучёному, всяких разных видов. Для гууна вот один ихор нужен, и много, для настоящего упыря, как говорилось уже, – хоть и меньше каждого, да разных. Как ты сказал, «из подскульных желёз». Но это из подскульных, а есть ещё и надчелюстные, и подчелюстные, и пазуховые, в верхние клыки открывающиеся. Их для гууна не требуется.

– А сколько же... сколько ж в день тогда они сотворить могут? Одного, двух, трёх? Вот тот старый, про которого речь вели, который того, последнего, сотворил, и ещё одного, за кем охотимся, – сколько ж он ещё тут оставить мог?

– Не знаю, парень. Знаю, что немного, иначе б уже сожрали нас упыри. Лучше послушай, есть сказка такая... страшная, правда... Про девочку Марысю и красного демона.

– Помню, мастер. Про девочку Марысю да про жадного купца, что охотника нанять поспешил. У вас её как сказывали?

– Так и сказывали. Жила, мол, девочка Марыся в деревне, и повадился упырь в ту деревню ходить. Да не просто ходить, кровь сосать, но людей, сельчан, в упырей же переделывать. И жил там же некий купец-жадоба, первый скупердяй в округе. Просила у него Марыся, чтобы нанял бы купец охотников, а тот отказался. Мол, нет никаких упырей. А те всё злее каждую ночь, утаскивают одного за другим соседей. Пошла тогда Марыся к бабке-ворожее, злой ведьме, и та её надоумила, мол, есть способ самой с упырями справиться, надо лишь красного демона вызвать, он-де явится, всех упырей сожрёт. Только цена высока больно. Кровью своей те врата отворяются, ведьма сказала. Согласилась Марыся, делать нечего. Исполнила всё, как ворожея ей велела. Явилось ей жуткое страшилище рогатое, великанское, с красной шкурой, заревело, копытами затопало. «Есть, – говорит, – давай!» Марыся ему на упырей и указала. Сожрало чудовище упырей, такое сильное было. Хотела Марыся чудище прогнать, да злая ведьма ей обратного слова и не дала. В общем, слопало чудище и Марысю, и ведьму, и только потом расточилось, унесли его прочь ветры незримые, обратно в его логово...

– Ну так ведь это ж только сказка, мастер, правда?

– Сказка – ложь, да в ней намёк... Ты подумай, парень, как же так выходит, что упыря убить донельзя трудно, новых они тоже обращают, живут хрен знает как долго – а нас всех до сих пор не сожрали? Я сам дорого бы дал за то, чтобы узнать точно – раз в день они обращать кого-то могут, раз в седмицу или, скажем, только раз месяц, а то и в год. Эвон, даже чародейка Хюммель того не ведала. Мол, у каждого свой лимит.

– То есть предел, да, мастер?

– Точно. Предел, значит, край-граница. Любила госпожа Хюммель мудрёные словечки, которые, кроме неё, никто и не слыхивал, разве что мэтр наш дорогой Бонавентура... В общем, пока до главного упыря нам не добраться, надо, чтобы его птенчики-вороняточки тут гнезда не свили. Всё понял, парень?

– Да, мастер.

– А чего ж не спрашиваешь тогда, как станем с упырями справляться, если ни один человек их в открытом бою не одолеет?

– Ну так вы, мастер, живы покамест. Значит, можно справиться. Да и с молодым этим упырьком мы сладили, верх над ним взяли. А вот как с остальными, кто сильнее да опытнее, – вы мне скажете, когда нужно будет.

– Ты мне тут в покорность не играй, парень. Когда имеешь дело с кровососами, головой своей нужно думать, а не указаний мастера ждать. Покуда дождёшься, сам не заметишь, как упырьей сытью сделаешься. Верно, лучше всего упырей брать тёпленькими, молоденькими, только что сотворёнными, пока силы не набрали, пока управлять доставшимся не научились. Но подобная, приятель, удача далеко не всегда выпадает. Да и сам понимаешь, сытенький вампир означает самое меньшее одного замученного и сожранного человека, лютой смертью сгинувшего. Я конца такого даже татю-убийце не пожелаю. Да и к тому же мало нас, настоящих охотников, с подлинной страстью до этого дела. На все грады-веси не хватит. Поэтому надо к куда более серьёзной схватке готовиться.

– Мастер, мастер, а что такого болтают, что слуги Спасителейы якобы особую силу против упырей имеют?

Старый охотник тяжело вздохнул.

– Эх, приятель. Нет такой силы в нашем мире – или я про такую не ведаю, – чтобы всегда и наверняка б упырей била. Рыцари не могут, чародеи не могут – кроме всё той же чародейки Клары Хюммель, эх, и ловко ж она их клала, никто потом ничего подобного повторить не мог – и Спасителя слуги не могут тоже, по большей части.

– По большей части?

– Простой священник в простой церквушке ничуть нас с тобой не сильнее. В общем, не защитят от упырей никакие святые. Их магия вроде как только в монастырях и действует, да и в соборах живых, намоленных. А вот заброшенных храмов или там скитов избегай пуще пожара – там, откуда слово Спасителя ушло, там упырям раздолье.

– Значит, всё-таки хоть немного, а могут монахи упырям противостоять?

– Именно что «немного». Избегают упыри монастырей, особенно святому Кинару, второму апостолу, лекарю великому, посвящённых. Избегать избегают, а вот чтобы монахи бы вампиров убивать умели, как мы с тобой, – о том я не слышал. В общем, укрыться в монастыре порой можно... но и только. Короче, ни на кого, кроме самих себя, рассчитывать не приходится.

– А вот эти красные чудища... которых демонами прозывают...

– Так то ж сказки, парень. У нас, у охотников, тоже ходят всякие слухи, что там, где особо много упырей возникало, якобы и демоны появлялись, и после того упырей куда меньше становилось. Трудно сказать. Может, маги Академии и пояснили бы. Я-то своими глазами не видел, от достойных доверия людей своими ушами не слышал. А что там кто плёл – так на то и язык, чтобы им чесать, побасёнки рассказывать. Всё, закончили разговоры, приятель. Бери самострел. Князь велел нам торопиться. – Мастер поднялся, вытянул руку в перчатке без пальцев над костром. Пламя послушно зашипело и угасло. – А что, парень, красивая дочка-то была у князя?

– Загляденье, – опустил голову младший. – Её все любили. Добрая она была, светлая вся. Князь Предслав-то того, грозен бывал. Строг, хоть и справедлив, и всякая вина у него была виновата. Бывает, разойдётся, ногами затопает, кулаком по столу так, что доски трескаются, даже княгиня, уж на что не робкого десятка, а и та к нему при таких делах подступиться боялась, а Еленке хоть бы что. Подойдёт, обнимет, утишит, утихомирит. Князь потом поворчит ещё, да и простит. Не в поруб отправит, а всего лишь розог велит вкатить десяток. Князь, он ведь отходчивый, зла не помнил. Жалко её, мастер, сил нет как жалко!.. Весь город хоронить вышел.

– Что весь город, это, парень, точно... а и смотрю я, дружище, ты неплохо в делах княжьего дома разбираешься. Словно своими глазами видел.

– Случалось и видать. У нас ведь как – суд за стенами не прятали, князь всегда все вины на торжище разбирал.

– А... – неопределённо протянул мастер, – на торжище, значит... может, и на торжище. В общем, вставай, парень. Дорога неблизкая, а нам ещё след этого второго упыря искать.

* * *

Вараны с неожиданной резвостью перебирали лапами, шлёпая по вечным, непросыхающим лужам на тракте. Осенние леса сгущались, наваливались с боков, деревни и заимки кончились, уступив место непролазным чащам. Сорванные жёлтые и коричневые листья кружились над головами, словно в панике удирая от какой-то незримой опасности.

Последнее село встретило охотников пустыми, брошенными домами. Мало кто озаботился даже подпереть двери колом.

Деревня ещё совсем недавно была живой, хотя и опустевшей больше чем на две трети. Вдоль единственной улицы выстроились дома – иные заброшены совсем недавно, иные – уже не один год как крыши просели, и проезжать мимо них было совсем тяжело.

Жизнь из них давно ушла; ушли люди, ушёл и малый народец. Овинники и банники, гуменники, полевики, амбарные и прочие, им подобные. Ушла остроносая шишига, со вздохом оглядываясь на покинутое гнездо – люди, люди, что ж вы так? Разве ж мы не помогали? Ведь как могли старались!.. Да всё равно, чего уж теперь...

Шмыгнула шишига тогда, давным-давно, острым носом, да и поползла неведомой людям тропой вслед за остальными.

Последними держались дедушки-домовые. Как правило, уже старые, тяжкие на подъём, но знавшие, что оставаться им нельзя ни в коем случае. Ибо с новыми хозяевами этих мест шло нечто страшнее одиночества.

И домовики ушли тоже.

Никого здесь не осталось из полезных человеку Малых. Пустота, гниль, прах и тлен.

Кладбище, только хоронят на нём не людей, а дома.

Другие дома, казавшиеся новее и крепче, тоже не выглядели справно. Видно, что не заброшены, но и только. На починки у хозяев, похоже, не оставалось уже ни сил, ни желания.

Здесь не жили, здесь доживали.

– Гляди, – мастер остановил своего варана, и тот немедля потянулся мордой к облетевшему кусту жимолости. – Что скажешь, парень?

Юноша прищурился, лицо как-то разом постарело, сделавшись холодным и жёстким.

– Бежали в страхе, мастер. Добро раскидано. Ворота не заперты. Даже колодцы не закрыли.

– Верно. А ещё... чувствуешь чего-нибудь?

Юноша послушно принялся.

– Т-трупам не пахнет, мастер.

– А что это значит?

– Что их тут нет? – не слишком уверенно отозвался ученик.

Старший охотник покачал головой.

– Смотри внимательнее.

– О! – юноша вдруг покраснел. – Простите, мастер. Где мои глаза были... упыри метки под окнами – там, там и ещё вон там.

Бревенчатые стены изб носили следы когтистых лап – крупнее волчьих, но меньше медвежьих.

– Ну, парень, а зачем он, спрашивается, в дом лез, уже перекинувшись?

– Голодный, – без запинки оттарабанил юноша. – Не только кровь выпить, он ещё и тело сожрать должен был.

– Верно. А что это значит? Зачем ему человечина понадобилась?

– Ещё не заматерел, значит. Не преобразился ещё до конца, в силу не вошёл. От шести месяцев до года, выходит. Тот-то мальчишка, первый...

– Твой первый, кого мы в Заовражье взяли, был совсем свежачок. Недели три, самое большее. Ополоумевший от всего случившегося, как я тебе уже речь вёл. А этот уже куда хитрее, скрытнее, умеет куда больше. Но ты прав, заматереть он не успел ещё. И что отсюда следует?

– Он потому, м-мастер, в дома и лез... Упырям молодым не только кровь требуется, им ещё и мясо подавай. С-сырое... – Он отвернулся, слегка побледнев. – Много...

– Ничего, привыкнешь, – бросил мастер. – Поначалу оно всегда так. Ну, а отчего ж тогда трупами не пахнет, если он тут совсем недавно побывал – метки вон совсем свежие, и недели не прошло? Конечно, ночи холодные, но так у нас с тобой и нюх не как у всех. Ну, отвечай!

– М-молодой упырь с-съедает всё, не только сердце и п-печень... Буэ-э-э!!!

– Не переводи еду зря, парень. Знал бы, не кормил бы тебя завтраком. Но говоришь всё верно. Он не только внутренностями закусил, он и кости все изглодал. Череп не исключая. Клыки-то у него уже ого-го, не смотри, что «молодой». След-то его низовой взять сумеешь?

Юноша кивнул. На висках его блестел пот.

– Тогда давай. А я посмотрю. Это нетрудно должно быть – молодые, когда нажрут, осторожность теряют совершенно. Конечно, не так, как тот, из Заовражья, но тоже... глупеют. И это, приятель, наш с тобой шанс. Как говорится, это только пророк Спасителя нашего, Михась Славный, одними словами царствие небесное себе заработал.

Ученик кивнул. Гибким движением соскользнул с седла, направился прямо к дому, где виднелись следы когтей. Задержался на мгновение, сжимая и разжимая кулаки и покачиваясь с носка на пятку, пока наконец не решился и не заглянул внутрь через чёрную рваную рану окна. Зашипел сквозь зубы.

– Смотри-смотри, – прикрикнул мастер. – След там начинается, там ты его и брать должен.

Из обширного нагрудного кармана ученик выудил скляницу с зеленоватой жидкостью внутри и притёртой пробкой. Аккуратно капнул на каждую из оставленных когтями отметин, с силой дуя на падающую каплю так, чтобы она угодила точно на белое разодранное дерево.

– Теперь смотри, да внимательно! – вороном каркнул мастер.

Паренёк оттолкнулся от стены, пошёл кругом, зажмурившись и расставив руки, словно ловил кого-то невидимого. Старший, похоже, тоже что-то видел, потому что пару раз досадливо поморщился, когда юноша спотыкался на ровном месте и начинал беспомощно топтаться, тыкаясь туда-сюда.

– Есть! – вдруг выкрикнул ученик, делая движение, словно хватая за хвост пролетающую птицу.

У него под ногами вспыхнуло подобие зеленоватой цепочки следов, босых человеческих ног, но странно и жутко изменённых. Слишком длинная ступня, слишком узкая; и пальцы странные, слишком длинные ногти – скорее, когти, – упирившиеся в землю при каждом шаге.

Следы убегали прочь от деревни, прямо на запад, где на горизонте синеватым маревом блазились далёкие пока ещё горы.

– Молодец, – хрипло выдохнул мастер и тоже утёр пот. – Теперь-то он уже никуда не денется, выродок.

Юноша ничего не отвечал, лишь судорожно глотал воздух широко раскрытым ртом, словно опрометью промчавшись целую лигу.

– Молодец, – повторил мастер и хлопнул ученика по плечу. – Ты гада нашёл – тебе его и кончать.

– У-учитель... – пытался отдышаться парень. – А что же делать... уф, уф... коль он, гад, на крыльях полететь решит?

– Наш-то? Едва ли. Молод ещё. Не сразу к ним это умение приходит.

– А вообще? Если полетит – как его выследить?

– Есть у нас и на этот случай средство. Упырь, когда на крыльях, магический след оставляет. Если он к человеку ближе, его и углядеть куда труднее, как ни странно. А вот летучего – бывает даже проще. Но об этом нам сейчас беспокоиться не стоит. Наш-то на своих двоих наяривает, торопится. Так что и мы поспешим.

* * *

– Слушай ещё, парень. Не бывает хороших вампиров. Это только в сказках случается – мол, они все такие тонкие, возвышенные, непонятые. Дескать, они и кровь-то сосут неохотно.

– Сосут и плачут.

– В точку. Плачут, но сосут. Или другая байка – якобы бывают такие недовампиров, что со своей упырьей сущностью борются, хотят оставаться людьми и даже с другими кровососами воюют. Тоже не бывает. Бьюсь об заклад, что хочешь проставлю, это сами упыри и придумали. Чтобы силы нас лишить, решительность ослабить. Обмануть врага, внушить ему к тебе жалость – считай, уже полдела.

– А на самом деле всё это ведь враки, да, мастер?

– Самые что ни на есть завиральные враки. Помни, парень, вампирья отравы такова, что сломит любого. Самого храброго, жёсткого, непримиримого. Был у меня дружок, когда к нам пришёл – назвался Джейкобом; вместе с ним учениками начинали. Я по сравнению с ним тогдашним – нюней бы прослыл и

размазнёй. У него упыри всю семью высосали, пока он в отъезде был, медленно, ночь за ночью. Они умеют. Друг мой после этого дал страшную клятву, принял знак Моррид, древней богини смерти, что не знать ему покоя, покуда хоть один упырь творит тут зло. И убивал он их – безжалостно. Не только их, но и их прислужников, не-вампиров, обычных людей, что приняли их руку. Слышал ведь о таких?

– Слышал, мастер. Ещё слышал, что такими Гнилогорье и держится. И про короля Фредерикса тоже слышал.

– Молодец. Про короля этого много разного болтают, что в доле он с упырями; но сейчас не о нём речь, я про своего дружка дорасскажу. Не жалел он никого, кто под вампирью десницу пошёл, не важно, из страха ли, по неволе иль желая какой ни есть власти с богатством.

– Совсем никого не щадил, мастер?

– Совсем. Детей сам в огонь кидал – мол, из них всё равно только упырьи слуги вырасти и могут. Такое творил, что кровь в жилах стынет – вампиры одного имени его боялись. А уж кто им служил – те от одних слухов, что он в их края направляется, бросали все пожитки и наутёк. Ничего не боялся, сам-друг троих старых упырей завалил, одного за одним. И втемяшилось ему, что может он так же справиться и с тем самым паханом, о котором я речь вёл. Я ему – да куда ж ты, никто толком не знает, где этот пахан вообще, какая у него стража, входы-выходы – ничего не известно! Схарчат тебя там, говорил я ему, обратят, и станешь ты таким лютым упырём, что... а, да чего уж теперь. Друг мой рассмеялся только, мол, не зря легенды ходят, что есть такие вампиры, что смогли остаться людьми, обретя при том упырью силу. Теперь-то я понимаю, что загордился он, решил, что даже волшебство кровососов ему нипочём; а может, крепко уповал на заступничество той самой богини Моррид. Однако, парень, ничто его не защитило. Ушёл он как раз в то самое Гнилогорье, ушёл и не вернулся. Точнее, вернулся – да только уже не он.

– Его... обратили, да, мастер?

– Обратили, парень. Не убили, не высосали досуха, не скормили молодым упырям. Много сил потратили, но обратили. Не осталось в нём ничего людского, ничего нашего. Кровосос лютый, вот и весь сказ. Что спросить хочешь, парень?

– А... мастер... что ж с ним потом-то сделалось?

– Да что ж с ним делается? Дорожка у него одна была, не свернёшь, не остановишься. Кровь пил, людей губил – всё как положено. Делать нечего – собрались мы с друзьями-приятелями, покумекали, да и вышли против него все вместе. Не для честного боя, запомни, парень, но чтобы упыря наверняка уложить. Ну и уложили. Не сразу, не вдруг – но уложили. Хотя, скажу я тебе, попотеть пришлось. Недаром ведь он у нас слыл мало что не лучшим.

Ничего в нём людского не осталось, парень. Ни капли, ни грана, ни крошечки. Хотя... нет, кое-что оставалось до самого конца.

– Гордость, мастер?

– Тут ошибся, парень, да и немудрено человеку доброму ошибиться. Хитрость в нём осталась, самая гнилая, самая подлая. Когда уже завалили мы его, стрелами утыкали, серебром протравили, когда оставалось последнее дело – голову срубить, а тушку – на кол, ну или всего целиком на кол, чтобы не сразу бы помер окончательно, чтоб помучился, всех им погубленных вспоминая, если уж на сохранность головы рукой махнуть – завыл он, задёргался, нас по именам звать начал. Дескать, как же так, друзья, помилосердствуйте, мы ж с вами пуд соли съели, одним одеялом укрывались и невесть сколько раз спины друг другу защищали, жизнь спасали. Правду говорил, парень, вот что самое гадкое-то выходило. У одного костра с ним спали, последней коркой делились, и, да, каждого из нас он хоть по разу, но спас. А теперь лежит такой, чёрной кровью харкает, хрипит и просит, мол, погодите, не убивайте, я опосля такого другим стану, упырь схроны-тропы укажу, сам против них выйду... и всё такое прочее. Что замер, парень? Ждёшь, чем дело кончилось?

– Уг-гу, мастер.

– Ничем особенным. Увидел я, что даже иные из наших заколебались, дрогнули, ну, и пошёл к нему. Он разглядел – и, поверишь ли, парень, лыбиться стал, обрадовался. Дескать, кто другой бы оказался – решил, что кончать его идут. А у меня в руке ещё скляница была, он подумал – с эликсиром. И забулькал, заблекотал – спасибо, дескать, дружище, верил я в тебя, не сомневался, и ты не сомневайся, верь, мы теперь этих кровососов к ногтю возьмём. Ты ведь мой друг лучший, мой друг единственный, ты мне ближе брата был...

– А вы, мастер?

– А что я? Я ничего. Склеяница у меня в руке и впрямь была, да только не с эликсиром, а с кислотой. Наверде той, что мы с тобой недавно в ход пустили. Специально у алхимика, мэтра Бонавентуры, брал на тот случай. Кислота с серебром, истёртым в порошок. Верное средство, запомни, парень. Присел я около него...

– Так ведь рисковали-то как, мастер!

– Рисковал, не без того, парень. Но иначе нельзя тогда было. Все наши должны были увидеть...

– Что увидеть?

– Дай досказать-то, нетерпеливый!. Подошёл я, значит, и говорю: дай приподниму тебя. И левую руку протягиваю, а в правой руке склянку держу. Ну, и...

– И что же, мастер?!

– Помнишь, что я тебе говорил, парень, насчёт того, что ни один вампир одолеть не может?

– Свою природу, да, мастер?

– Именно. На то мой расчёт и был. Цапнул он меня, в левую руку впился, едва только смог. Руку-то я рассадил до крови, нарочно, само собой – он и не сдюжил. И не смог бы никогда сдюжить.

– А как же вы, мастер?

– Неужто думаешь, парень, я зря ту склянку держал наготове? Влепил ему её прямо в морду, о клыки разбил. Мало ему не показалось, приятель, мало не показалось. Орал и катался он славно – пока кислота язык с гортанью не разъела, а мы ему кол не наладили. И головы рубить не стали. Не заслужил. Уж слишком лихо душегубствовал. На колу-то заговорённом упырю ой как не

сладко, томно ему там, скушно, как бабушка моя говаривала. Дохнет медленно, а деться никуда не может. Главное, парень, насадить как следует, чтобы острие кола у него, проклятого, из поганой бы пасти вылезло. Люди, которых на казнь такую осуждают, уже десять бы раз померли, а упырям ничего, только воют. Вот и этот – долгонько выл. Целую седмицу, пока мы ему его убийства перечисляли. Ничего, не ёжься, парень. Друга моего, который мне и впрямь ближе брата приходился, – там не было. Погиб он, друг мой, загрызли его упыри. Одна личина, пустая оболочка и осталась. А внутри, под личиной – тварь лютая, подлая, жадная, ненасытная. Враг рода человеческого, вот и всё.

Так что запомни, крепко запомни – с упырём разговор может быть только один. Хоть отец твой то был раньше, хоть мать, хоть жена, хоть сын любимый или дочурка, сердца отрада. А промедлишь хоть миг, поколеблешься – и всё. Или сожрут тебя, или выпьют досуха, или, что хуже всего, сам вурдалаком сделаешься. Одним из них.

Понял ли, парень? Крепко ли запомнил?

– Крепко, мастер.

– Так вот смотри, если и со мной что подобное случится – меня ни в коем случае не слушай, на посулы не ведись. Где у нас кислота с серебром толчёным, ты знаешь.

– З-знаю...

– А коль знаешь, то держи всегда при себе и в ход пустить не промедли.

* * *

Облетающие леса плавно скатывались вниз по долгим пологим склонам. Пламенела ставшая добычей осени листва, над головой нависали серые тучи, сеявшие нудным мелким дождичком. Оба путника в дороге говорили мало, низко надвинув капюшоны дорожных плащей из кабаньей шкуры с густым ворсом, тщательно смазанные жиром.

Ездовым же варанам всё было нипочём, их широкие лапы шлёпали себе по глинистым лужам, а толстую чешуйчатую шкуру, казалось, не пробьёт никакой ветер. И не похоже было, что они собираются впасть в зимнюю спячку, подобно их меньшим собратьям-ящерицам. Жрать варанам было что, и они себе жрали, а приближающиеся холода их нимало не заботили.

На пустом тракте охотникам после брошенной деревни не встретилось ни одной живой души. След упыря тоже шёл прямо по дороге, вампир никуда не сворачивал – зачем?

– Он так и не перекидывается, мастер. Почему? Зачем ноги сбивает, ведь мог бы и волколаком проскакать, и летучей мышью полететь. Слишком молодой? Силы не хватает? Но ведь ему уже изрядно месяцев...

– Именно, что слишком молодой ещё, и именно, что сил не хватает, хотя да, он с каждой неделей мощь набирает. Я бы даже сказал, слишком быстро набирает. Этак он и сам кого обратить попытается... Молодому упырю, приятель, чтобы перекинуться, надо обязательно сердца и печени нажраться, да побольше. Того, что он в той деревне слопал, только и хватило ему дальше преобразиться, в упыря превращаясь, а на всякие хитрозадые штуки ничего и не осталось. Вот почему мы его и нагоняем. Недавние упыри не шибко-то любят даже под осенним солнышком разгуливать, пусть оно в тучах да морось каплет весь день. Отсыпается он, гад, где-нибудь под корнями, думает, никого у него на хвосте нету, вернётся к своим, что называется, во чести и славе, хотя какие у этих мразей честь и слава...

– Мастер, а как же он сейчас – кровь не пьёт, человечину не ест? Как выживает?

– Он хоть и молодой, да не столь уж глупый. Не сравнить с твоим первым. Печень и сердце позволяют им какое-то время выдерживать без кровопитий. Лишняя причина не перекидываться – так ему запаса дольше хватит.

– А что ж потом? Когда запас кончится?

– А вот тогда ему уже надо кровушки. Никуда не денется, рехнётся от голода.

– Да, мастер, но кого ж он там кровососить-то станет?

Старший из охотников ответил не сразу. Из-под низкого капюшона голос его доносился глухо, словно издалека.

– Не знаю, парень. Прав ты, места здесь пустынные, и чем дальше по тракту – тем безлюдней. Не на кого упырю охотиться, негде запас пополнить. Последние сёла тут запустошились уже лет пять тому как. Князь Предслав, как и короли Фредерикс с Ребежецем, рубежи свои подальше на восток отодвинул, по доброй воле – не с кого тут дани-выходы брать стало. А ещё дальше – Вирр, пограничная река, за ней – болота, топи, ещё за ними – Гнилогорье. Там народу испокон веку не бывало. Только отдельные гномьи копи – по тракту из Припроливья хаживали они сюда, из самого Донарда, что на побережье; да только из гномов крови-то особо не попьёшь. И вот как упыри там гнездятся – ума не приложу. Сколько лет на них охочусь, сколько дорог истоптал, сколько гадов этих взял по месту – а секрета так и не раскрыл. И никто из наших не смог тоже. Дружок-то мой бывший, который туда сходил да назад упырём вернулся, ничего не рассказал.

– Может, ещё дальше на закат ходят?

– По-другому не получается, парень. Вампиры, они ж как волки – если стая всех лосей или оленей в округе загонит-сожрёт, так и сама от голода погибнет, если в другие места не уйдёт. Упырей всё больше, всё глубже они в наши владения лезут, ко князю Предславу, к тому же королю Фредериксу, хотя с последним дело, боюсь, ой как нечисто – а там, откуда идут, живых людей уже не осталось. Или, во всяком случае, так мы, охотники, верим – что не останется народу под вампирами, сожрут их. Но всякий раз такие концы отмахивать – это даже старым упырям не под силу. Вот и начинают гнёзда в наших краях вить. Пока что – по ничейным землям на виррском левобережье. Но добычи им и тут не сыскать, люди дальше на восход подались. Потому и стали появляться выводки их уже и в Предславовом княжестве, и в Подербрадовом королевстве, в больших городах, где затеряться им легче. Княжна-то, царствие ей небесное, через таких вот и погибла.

– Явился старый вампир, обратил двух молодых...

– Именно. Сам-то осторожничал, до княжны даже ему так просто не добраться, да и князь Предслав не лыком шит, ворон не считает, баклуши не бьёт.

– Мастер, а как вы это узнали? Ну, что именно молодой княжну Елену... – Ученик осёкся, подозрительно заморгал, поспешно уставившись в сторону.

Старшой сделал вид, будто ничего не заметил.

– Когда заказ у князя принимал, – тяжело оттолкнул он. – Когда заказ принимал, снял... след... у тела. Вот примерно как ты в той деревеньке. Потому и знаю. А ещё знаю, что клыки упыря отзовутся отцу-матери ими погубленных. Не ведаю, как это работает, какие тут силы – не иначе, магия крови, по-другому и не объяснишь. погоди, дай срок, и тебя научу. Но сперва надо нам за княжну посчитаться.

– Посчитаемся, – сжал кулаки парень.

– То-то и оно, что посчитаемся... А старый вампир, всю эту кашу заваривший, тут не задержался, нет. Его следа в Предславле я, сколь ни искал, взять так и не смог. Думаю, гнездо он там пытался создать, да что-то не так пошло. Кинулись оба его упырька зелёных на запад, к Вирру. Одного мы перехватили...

– А второй по-прежнему драпает.

– Драпает. Притом, как сказал уже, именно тот, что княжну загубил. Первый-то, его только что обратили, он и не успел почти ничего, только девочку ту несчастную разорвать...

– Так значит, мастер, тот старый вампир совсем рядом с нами прошёл? Под самым носом проскользнул?

– Соображаешь, – кивнул старший. – Именно так и есть. Явился он в Предславль и двоих тут обратил. Сперва того, за которым мы сейчас гонимся, а сколько-то месяцев спустя – твоего первого.

Почему именно этих двоих, почему не больше, почему не меньше – не ведаю, даже и не спрашивай. Кстати, я справлялся, не пропал ли кто в Предславле последнее время – но нет, никого не хватились. Так что, может, из нищих кого обратил или из проезжих. Хотя... мальчишка-то, наш с тобой первый, совсем ещё сопляк, молоко на губах не обсохло... Может, украли его где...

В общем, ничего, приятель. Догоним мы их. И дел нам, парень, невпроворот предстоит. Молодняк у упырей наглеет, тоже гнёзда в наших краях вить начинают. Раньше на подобное только их старики отваживались. Этих-то мы отлавливаем, гнёзда на нож берём, но... Но боюсь я, приятель, что зреет у нас под боком, в Гнилогорье, такое, что во сне приснится – от ужаса и не проснуться можешь, сердце лопнет.

– И, м-мастер, неужели мы...

– Нет. Что я тебе говорил, парень, насчёт упырей, недавно обращённых? Наше дело вот именно этого вурдалака взять, не дать ему за Вирр ускользнуть – ну так мы и не дадим. Мы у него уже почти за самой спиной, ещё день-два – и нагоним.

* * *

– Не удивляйся, парень, что ни твоего имени не спрашиваю, ни своего не называю. Я для тебя – мастер, наставник, учитель, старшой, как хочешь; ну, а ты для меня – парень, приятель, малый и так далее. Чем меньше мы знаем о прошлых наших жизнях – тем лучше. Упыри хитры и мстительны, даже из обмолвок наших многое могут узнать и другим передать. Как – не спрашивай. Магия, не иначе. Вот ведомо мне, что ты из Предславова княжества – и то уже много. Понял ли, парень?

– Понял, мастер.

– Хорошо, если понял. И потом, когда – если – сам до мастера дорастёшь, лучше всего, коль всех других по прозвищам звать станешь. У вурдалаков слуг хватает – дураки да подлецы в роду человеческого, увы, не переводятся.

Ученик лишь кивнул.

Заброшенный тракт опустел явно уже лет пять как; меж тележных колеи поднялись молодые деревца, жёсткая трава, сейчас пожелтевшая и жухлая. Безжалостная осень собирала урожай, и в её закрома годилось всё. Листья и ветки, кора и стволы, зверьё и птицы.

И люди.

Осенняя земля примет всё и обратит в часть себя. Великий круг замкнут, он неразрывен и таким пребудет до скончания времён. Нарушают его лишь вампиры, лишь им удалось – или лишь они оказались обречены – вечно влачиться по дорогам этого мира, покуда он сам не распадётся в пыль.

– След-то видишь? – время от времени спрашивал мастер, когда молчание становилось совсем уж тяжким. Не для него – сам-то он привык молчать неделями и месяцами, скитаясь вместе с верховым вараном по лихоземью, – но для молодого ученика.

– Вижу, – неизменно отзывался парень. Он и впрямь оказался хорош, цепок, приглядчив; едва различимые днём магические отпечатки упыря было мудрено не упустить. Учитель заставлял показывать, проверял – ученик не сбился ни разу.

– Мастер, – наконец не выдержал он после очередной проверки. – Не могу понять, нагоняем мы его-то или нет? Всё стараюсь, стараюсь – и никак. Словно... пелена какая-то перед глазами. Мельтешит, крутится, никак упыря не увидеть, не посчитать даже, насколько он нас опережает!

– Не посчитать, – кивнул мастер. – Молодец, приятель, всё верно видишь. Сдаётся мне, не просто молодой упырёк перед нами скачет, задницу свою в Гнилогорье уносит. Простому упырьку такие фокусы не провернуть. Ну, кто это может быть?

– Вампир, но с магическим даром, – ученик хлопнул себя по лбу. – Не настоящий маг, не чародей – способности не открыты, не развиты, он сам о них не знает; но отводить глаза у него получается словно само по себе.

– Верно, – кивнул наставник. – Весёлая выйдет у нас прогулка. Придётся поспешить – не хочу рисковать, далеко слишком за Вирр уходить. Лучше всего его взять ещё на нашей стороне.

Слегка побледневший ученик кивнул.

– А теперь идём, покажу, как всё-таки пробиваться через эту завесу. – Мастер принялся рыться в седельной сумке.

Появилось несколько склянок с притёртыми пробками и разноцветными жидкостями внутри – багровой, фиолетовой, оранжевой или попросту чёрной.

– Когда нет времени след вскрывать по-настоящему или если, как сейчас, упырь нам глаза отводит, начинаешь с оранжевого – он след от испарения уберезёт. Продолжаешь алым – разрывает отводные чары, буде они есть. Поверх накидываешь фиолетовое – не даст разорванному сомкнуться, есть, есть такие заклятья, что на раз-два не снимаются... и, под конец, закрепíš всё чёрным. Он сделает след видимым.

– Мастер, – ученик с неослабным интересом глядел на склянки, – а почему господа маги нам не помогают, ну, почти совсем? Они-то ведь ловчее могли бы с упырями справиться!

– Могли бы... – с неопределённым выражением протянул мастер, по-прежнему перебирая пузырьки, расставляя их перед собой то так, то этак. – За упырями, парень, по приказу охотиться не станешь. Тут только добровольцы сгодятся, и то далеко не всякие. Прав ты, только редко к нам чародеи с алхимиками попадают, всё больше вот этим, – он указал на скляницы, – отделяются. И за это им спасибо сказать надо, без эликсиров-то туго нам пришлось бы, ох, туго... Маги, зельевары, они ведь книжные черви, сам знаешь. В библиотеках штаны просиживают, никогда ничего тяжелее пера или там реторты в руках не держали. Ну, в большинстве своём.

Он выпрямился, хмурясь. Что-то ему не нравилось, и, похоже, мастер сам не мог понять, что.

– Я начну, парень, а ты гляди в оба. Постарайся удержать как можно больше. Снадобий этих у нас, увы, маловато, и пользоваться их я начал куда раньше, чем хотелось бы. – Он натянул кожаные перчатки со стальными набивками, откупорил флакон с оранжевой жидкостью, аккуратно капнул три капли на тыльную сторону левой руки, защищённую железом. Прodelал правой сложный жест, словно выхватывая что-то из воздуха, и осторожно дохнул на капельки.

Те исчезли в единый миг, словно испарившись. Их не сдуло, они не растеклись по металлу, но и впрямь просто исчезли. Мастер лихорадочно шептал что-то, обе руки его теперь проделывали причудливые пассы.

Потом вдруг замер, точно так же капнул на железо из багровой скляницы, сдул, потом капнул из фиолетовой...

Вокруг ничего не менялось.

И лишь когда исчезли чёрные маслянистые капли, тяжёлые даже на вид, похожие на жидкий металл, – на земле появилась цепочка следов. Правда, едва заметных, сероватых, словно присыпанных пеплом.

Мастер приглушённо выругался.

Ученик не утерпел, побежал по следам, но, оставив позади десятка три саженей, разочарованно остановился.

Серый пепел сносило лёгким ветерком, от следов не оставалось даже воспоминаний.

– Прямо по тракту чешет, мазурик, – хрипло сказал мастер, утирая пот. – Так, придётся нам занятия и объяснения отложить. Торопится наш упырёк, птицей летит! А уж как следы хорошо замечает – любо-дорого посмотреть!

Воцарилось молчание. Ученик понурился, мастер что-то забормотал себе под нос. И лишь вараны меланхолично жевали, ни на что не обращая внимания.

– Силён, бродяга, – наконец выдохнул мастер, сердито сплюнув. – Ничего нет хуже чародея, подавшегося в вампиры. Ну или вампира, сделавшегося чародеем. Наше счастье ещё, что редко такое случается.

– А что, мастер, они тогда чары свои к вампирству прилагают? – Паренёк глядел на учителя с жадным интересом. – Они ж тогда и вовсе непобедимы бы сделались! Ка-ак швырнёт огнешаром!..

– Нет, – покачал головой старший охотник. – Четыре раза сходил я с вампирами, что с магическим даром были. Дважды это были просто «потенциаты», как мэтр Бонаventura выражается, то есть люди с дремлющими магическими способностями, в Академии не обучавшиеся, а дважды... – Охотник вздохнул. – Дважды, парень, это были настоящие маги. Кого обратили уже после того, как они всему, ну, или почти всему, обучились. И вот с ними драки я до конца жизни помнить буду.

– Огнешары, да, наставник?

– Далась тебе эти шары... – покачал головой мастер. – Нет, не кидались они в меня ничем. Словно... словно исчезла вся их привычная магия. Но вот хитрости оба оказались просто необычайной. Назову тебе одно имя – Каррабас Драу. Чародей был не из последних, магистр магии, не просто бакалавр, Академию на общих основаниях окончивший. Все ловушки обходил, ни на одну приманку не поддавался, из любых капканов выскальзывал. Вот сдаётся мне, что на это он своё чародейство и употреблял, а не на огнешары. Но и без них... – Мастер махнул рукой. – Всемером мы погоню за ним начинали – а под конец только мы с Джейкобом и остались. Пятеро наших полегло. И не просто полегло – одного этот самый Драу обратить сумел. Но Джейк-то тогда был ещё настоящим охотником – он и не дал побратиму нашему подняться, упырьём обернуться... съёл ему голову, да таким ударом, что я до сих пор вспоминаю.

В общем, повозиться нам пришлось с этим магом. Но в бою он чары, которых мы все от магов ожидаем, не применял. Почему – тоже не знаю. Зато знаю другое, – мастер склонился к ученику, – был этот Каррабас Драу самым большим злодеем из всех упырей, что мне брать довелось. А лет за десять до истории с Драу обратили вампиры ещё одного мага, вернее, магичку. Элизия Бранко, способная чародейка, большие надежды подавала. И тоже, как обратили её, такие злодейства учинила, что, поверишь ли, кровь в жилах стыла. Это у меня-то!..

– Это какие ж злодейства, учитель?

Старшой лишь скривился.

– Упырь – любой упырь – есть зло само по себе. Любой упырь убивает, кровь пьёт, сердца и печень поедает. Но... редко убивает совсем уж просто так, походя. Хотя в последние годы... – Он осёкся. – А когда я только начинал, так

большинство старых упырей и вовсе волков-одиночек напоминали. Убивали для пропитания, изредка – для забавы. Но просто убивали. А Элизия, нежная барышня, что твой цветочек, людей резала не десятками даже – сотнями. Резала и, проклятье, узоры на площадях выкладывала. Когда из целых тел, а когда из внутренностей. Мозаика из кишок, – он глухо зарычал. – Пирамида из голов, да ещё и волосы по цвету подобраны. Плавный переход.

У ученика тоже вырвался клокочущий горловой рык.

– Не мне довелось её прикончить, о чём сожалею. Но и Каррабас успел отметиться, хотя и не столь масштабными... инсталляциями, как всё тот же мэтр Бонаventura это именуется. В общем, приятель, что маг, упырем заделавшийся, что упырь, в себе мага осознавший, – злодеи и душегубы такие, что сами вампиры, по-моему, их бояться должны.

– А сейчас? Сейчас есть такие?

Мастер с досадой отвернулся.

– Ходят слухи всякие... дурные слухи ходят, парень. Пугать тебя зря не хочу, но есть некая Красная Упырица, она же Алая Леди, если по-благородному. Тоже вроде как чародейка. То тут мелькнёт, то там... побоище устроит и исчезает, как на дно уходит, в омуте прячется. Давненько она уже гуляет по Припроливью, ох, давненько! Да всё вот не попадается, осторожная, в самые что ни на есть людные места не забредает. В общем, понял теперь, парень, что нельзя этому упырю и пока что недомагу живым уйти? Понял, что можем новую Элизию получить?

Ученик, бледный и покрытый потом, лишь молча кивнул.

– Привалы отменяются. Варанчикам нашим придётся постараться.

– Мастер, а как же... если чародей, упырем сделавшийся, магии привычной лишается, то как же он нам глаза-то отводит? Выходит, какая-то часть способностей остаётся?

– Прав ты, приятель. Соображаешь, верно говоришь. Каррабас Драу не заклятиями силён был, как я уже сказал. А вот глаза отводить, следы путать так, что иначе как волшебством это и не назовёшь, – пожалуйста, за милую душу. Мэтр Бонаventura говаривал, что выходит это у них инстинктивно и неосознанно, словно само по себе. Порой, дескать, происходит такое, коль они погоню за собой чувствуют. Не знаю, парень. Не довелось проверить. Но скажу так – похоже на то, очень похоже. Так что нам деваться некуда, только поспешать изо всех сил.

Следующие два дня прошли в тяжёлом, мрачном ожидании. Вараны бойчее шлёпали по лужам, мастер с учеником не разводили огня и почти не спали. Давешнее обещание наставника догнать упыря за сутки-двое уже никто не вспоминал. Тот оказался куда шустрее, а может, просто почуял погоню за плечами.

– Тут хочешь не хочешь, а магов знакомых вспомнишь, – проворчал мастер, из-под руки вглядываясь в дождливую даль. – Был у меня один, не охотник, как мы, а так... идейный, значит, мститель.

– А мы разве нет? – осторожно рискнул ученик.

– Мы-то?! Нет, конечно! – Наставник даже привстал в стремях. – Мы вампиров давим и душим потому, что они адские отродья и погибель рода человеческого, а не из-за мести какой.

– Но, учитель, когда вы про друга своего рассказывали... который упырём заделался... когда вы с другими охотниками его взяли...

– Мы не мстили. – Старшой назидательно поднял палец. – Мы карали. Мы были законом, парень. За убийства, за душегубство отвечать надо. Он и ответил – посадением на кол. А мечь тут ни при чём. Потому как уж если мстить – так это тому упырю, что друга моего обратить сумел. Так вот, я-то речь про мага вёл – ходил он с нами, было дело, потому что у него когда-то девчонку высосали досуха и уморили. Не обратили, нет – просто уморили. А он, дескать, молод тогда был, глуп, не распознал, не раскусил... ну, а потом, выучившись, в силу войдя – мстить решил.

– Его, конечно, сожрали, мастер?

– Правильно думаешь, парень, но нет, не сожрали. Уж больно маг хорош оказался. Не из тех, про кого я речи вёл, что, дескать, ничего тяжелее пёрышка в руках не держали. Да и мы с ним были.

– Но ведь магия людская на вампиров не действует?

– Верно, приятель. Не действует, иначе не требовались бы такие охотники, как мы, кому чары – немалое подспорье, но убивают упыря всё-таки не они. Вот потому маг-то на подхвате у нас большей частью оставался. Вдобавок упыри на него клевали хорошо, всем им лестно было настоящего волшебника завалить. Да и то сказать, кое-какое колдовство весьма нелишним оказалось, например, всякие ледяные ловушки, обездвиживающие, ослепляющие и прочее. Я у того мага многому научился, хотя, конечно, я не настоящий чародей. Не без способностей – как и ты, – но не более. В общем, было бы у нас время – не пожалел бы задницы, о седло бы сбил, но мага этого повидал и с нами пойти б уговорил. Да только забился он, говорят, далеко, на самый север...

– Это где невысоклики, сиречь половинчики живут?

– Угу, они самые. Не знаю, шастают ли туда вампиры, нет ли, но пока что заказов из тех краёв не поступало. А жаль – лучше, чем те малыши, никто готовить не умеет, ни при княжьих дворах, ни при королевских. Эх, сгодился бы нам тот маг, да только нет его здесь, так что разговоры разводить нечего. – Мастер досадливо поморщился. – Без него обойдёмся.

Глава 2

Чародей и волшебница

На дальнем севере с вечных, никогда не тающих ледяных полей, намертво сковавших полярные моря, уже несло зимним холодом.

Припроливье и Запроливье, Империя Креста и королевства с княжествами – всё осталось далеко на юге. Здесь же на дни и дни пути тянулись пустоши, где тундра мало-помалу сменялась лесами, всё более и более густыми. Наконец им

удавалось целиком заполнить все свободные пространства, слиться в единый, сплошной ковёр, расстилавшийся от берега до берега.

Чёрный Лес.

Жизнь, однако, имелась и здесь. Но всё больше вдоль моря – охотников забираться в глубину чащи нашлось немного.

Ну, а где есть жители, найдутся и чародеи.

Одинокая башня волшебника, как и положено, рыбьей костью торчала на крутом утёсе, отвесно обрывавшемся вниз, где ярились тёмные волны, ещё не скованные зимними морозами. В полулиге к востоку, однако, берег выглядел совсем иначе, скалы исчезали, в сушу врезалась укромная бухта с вытащенными по осеннему времени на берег рыбачьими баркасами; от неё вверх вилась дорога, а вдоль дороги – низкие, вытянутые домики половинчиков. Больше всего дома эти напоминали ветви дерева: широкие корни входа, от главного «ствола» вправо и влево отходили отростки гостиных, спален, кладовых, больших кухонь, кухонь малых, столовых, или, как говаривали хозяева, поедущечных, закусательных и перекусочных. В еде половинчики – они же невысоклики, халфлинги, полулюдики или низушки – толк знали.

Крыты дома были дёрном, круглые окошки весело глядели на все стороны света. Над трубами дружно поднимались дымки, по улочкам сновали деловитые обитатели с большими корзинками, битком набитыми снедью.

По всему выходило, что деревня процветает. Все изгороди и заборчики – наново покрашены, ставни – подновлены, и даже последние осенние яркоцветы в бочках и ящиках под окнами радовали глаз нарядными лепестками, уже готовыми опасть, но державшимися до последнего.

Дорога насквозь пронзала деревню, бежала дальше на запад, мимо ухоженных полей, огородов, теплиц, сараев; перепрыгивала через ручей с горбатым каменным мостиком над ним; опасливо сузившись, точно в испуге, протискивалась через мрачные и высокие каменные врата, скалу, в теле которой неведомые силы пробили высокую и неширокую – едва телега проедет – арку.

Вела напрямик ещё немного, оставляя по правую руку массив высокой и острой Чайкиной горы, и упиралась прямо во двор чародея.

На первом этаже башни волшебника уютно горел камин, рассыпая искры. По стенам, отделанным резными панелями тёмного дерева, тянулись длинные ряды полок, заставленных всякой всячиной – книги, утварь, какие-то банки, склянки, бутылки, шкатулки большие, средние, малые... и тому подобное. Правда, даже этот беспорядок выглядел мило и по-домашнему.

Отдельно, над камином, висел ковёр, на котором устроилось оружие. Пара чуть изогнутых лёгких мечей, какими сражаются обоюбокие воины; цепной кистень, длинная тонкая цепь с грузиком на конце, пара двухдужных арбалетов, бандерилья с полдюжиной метательных ножей.

У огня в пол из тёмных дубовых досок намертво вросли два глубоких кресла с подставками для ног и низким столиком между ними.

За плотно закрытыми от порывов ветра ставнями и задвинутыми шторами, у горящего камина в кресле сидел человек – средних лет, худощавый, с острым подбородком и тонкими, хорошо очерченными губами. На лице выделялись глаза – большие и карие, они не прятались под густыми бровями, напротив – смотрели на мир весело и с хитринкой.

Облачён он был в мягкие домашние порты выделки половинчиков и их же работы тонкую рубаху с кожаной жилеткой. На коленях устроился пушистый кот, у ног замер, положив тяжёлую морду на лапы, здоровенный волкодав.

– Мр-р-р, – жмурился и пырчал кот, подставляя шею под пальцы хозяина. – Мур-р-р...

Глаза у него аж призакрылись от удовольствия.

Волкодав порой приподнимал голову, бросая на кота взгляд, который так и подмывало назвать ироническим. Бросал взгляд и тоже толкал хозяина широким лбом в бедро, требуя своей доли почёсываний и поглаживаний.

Человек в кресле усмехался и принимался чесать за ушами обоих своих компаньонов.

Дрова в камине пылали ярким, весёлым, жарким огнём, однако – странное дело! – не прогорали. Точнее, прогорали, но каким-то дивным образом возникали из угольев вновь, прямо там, в распахнутой пасти камина.

Человек тоже прикрыл глаза. Он улыбался. На столике стоял недопитый бокал красного вина, лежал раскрытый журнал во внушающем уважение кожаном переплёте с парой замков; поперёк страницы было небрежно брошено перо, а по желтоватой бумаге бежали вереницы странных рун, символов, пента-, гепта- и октаграмм.

Завывал за стенами башни северный ветер, но здесь, внутри, было тепло и уютно. И в домах половинчиков тоже тепло и уютно, и вдоволь еды запасено на зиму – обо всём этом он уже позаботился.

И о многом другом, не столь приятном, он позаботился тоже. Таков долг волшебника.

Можно откинуться, прикрыть глаза, гладить пушистый и мягкий бок свернувшегося на коленях кота, чесать за ухом верного пса, думать о нескорой весне, о прежней жизни, что осталась далеко на юге, думать не с печалью или даже грустью, пусть и «светлой», но вспоминая одно лишь хорошее.

Одно лишь хорошее...

– Мр?! – Кот внезапно напрягся, наострил уши, зелёные глазищи широко раскрылись.

Вскинулся и волкодав. Глухо зарычал, нагибая голову и делая шаг к дверям.

– Кто-то, друзья, к нам пожаловал, – вздохнул человек. Ему явно не хотелось вылезать из уютного кресла и тащиться куда-то на продуваемый двор. – И кого ж это принесло, хотел бы я знать?

Пёс и кот застыли, один – выгнув спину и оскалившись, другой – нагнув лобастую голову и глухо порыкивая.

– Тихо, братцы мои, тихо. – Маг накиннул короткий полушубок, отодвинул засовы, шагнул в холодные сени. Волкодав с котом коротко переглянулись и мигом бросились следом за хозяином.

* * *

Входная дверь башни сделала бы честь любой твердыне гномов. Чёрное железо, покрытое росчерками голубоватых рун и рельефными изображениями драконьих голов. Исполинские петли гнездились глубоко в толще стен, вытесанных словно из цельной скалы. Сама дверь запиралась толстенными засовами, уходившими вверх, вниз, вправо и влево, не выбьешь, не сломаешь. Застыли зубчатые колёса и рейки, тщательно смазанные, тускло поблёскивающие.

Стук повторился – требовательный и нетерпеливый.

– Сейчас, сейчас... – пробормотал маг, поведя перед собой ладонью; растопыренные пальцы смешно шевелились.

Дверь словно исчезла, растворилась; маг увидел покрытый облетевшей листвой двор, где сейчас в самой его середине гордо застыла огромная чёрно-зелёная карета, запряжённая четвёркой здоровенных варанов. На дверце – герб: золотая семилучевая звезда в голубом поле геральдического щита, поддерживаемого двумя единорогами.

На лбу хозяина башни мигом собрались морщины.

– Так-так... – пробормотал он себе под нос, могло показаться – что с лёгкой растерянностью. – Лопни мои глаза, но, если это правда... Милсдарыня Алисанда де Брие ди Бралье дю Варгас собственной персоной, м-да...

– Открываю, открываю! – крикнул он в раскрытую бронзовую пасть дракона справа от двери.

Шестерни крутанулись бесшумно, засовы опустились и сдвинулись, выходя из пазов. Дверь медленно повернулась на могучих петлях, и только теперь стало ясно, насколько она толста.

На низком крыльце башни застыл бородатый вершник в высокой медвежьей шапке и таком же плаще.

– Сударь маг Вениамин Скорре?

Хозяин башни слегка усмехнулся.

– Я, я это. Узнаю герб твоей хозяйки, добрый молодец. Миледи Алисанда всегда прибывала, что называется, с гонором.

Дверь чёрно-зелёной кареты распахнулась. Ещё один слуга поспешно разложил складную лесенку; из тёмного нутра появилась дама, на вид – очень и очень молоденькая, в элегантной тёмно-зелёной пелерине, кокетливой шапочке с вуалью и лихо воткнутым серебристым пером. Из-под шапочки выбивались волной вьющиеся каштановые волосы, густые и пушистые. Карие глаза, большие, внимательные, под тщательно подведёнными бровями, едва заметные румяна на скулах...

За волшебницей последовали две девушки, одетые куда проще; они с любопытством вертели головами, явно оказавшись в этих краях впервые.

Ещё имелись кучер, грум и двое вершников как почётная охрана, хотя сударь маг Вениамин Скорре очень пожалел бы тех незадачливых разбойников, что имели бы глупость посягнуть на карету с золотой звездой в голубом поле.

Маг поспешно вышел на каменное крыльцо. Холодный ветер с разбегу хлестнул по лицу, толкнул в грудь, словно норовя загнать обратно в башню.

– Вениамино! – Милсдарыня Алисанда заулыбалась, проделав кистями рук сложное движение, будто взбивая сливки. – Всемогущее небо, сколько лет, сколько зим!.. А и забрался же ты, дружочек!..

– Досточтимая госпожа и высокоучёный магистр де Брие ди Бралье дю Варгас. – Вениамин церемонно поклонился по моде королевских дворов, выставляя вперёд левую ногу и сгибаясь в пояснице. Левая рука описала изящный полукруг от правого плеча к вытянутому носку сапога. – Радость моя от возможности видеть вас в сих далёких краях поистине безмерна.

– Вениамино, перестань. – Она улыбалась, опытно, светски. – Что за фокусы? Какая ещё «досточтимая госпожа»? А уж от «высокоучёного магистра» у меня и вовсе уши вянут. И вообще... Разве мы не старые друзья?

– Друзья, друзья, о-очень старые друзья, – проворчал маг, подавая красавице руку и помогая подняться на крыльцо. Ни в какой помощи милсдарыня Алисанда, понятное дело, не нуждалась, но ручка её протянулась настолько выразительно, что деваться чародею было просто некуда. – Но, Алисанда, какими судьбами?

– Потом, друг мой, все расспросы потом. Я провела в пути почти три недели, филейные мои части жестоко пострадали от несовершенства рессор, от рытвин и ям на дорогах и от воровства управителей, забывших о починке оных, мне срочно требуется горячая ванна, выспаться, а потом самое меньшее, э-э-э, несколько часов с моими горничной и камеристкой, пока я приведу себя в порядок. А уж потом все разговоры.

– Тогда прошу, – маг распахнул дверь. – Занимайте второй этаж, там гостевые комнаты. Вода имеется, нужно только повернуть рычаг. Сейчас я покажу...

– Не беспокойся, мои девочки разберутся.

– Как скажешь, Алисанда, дорогая...

Вершники потащили наверх по ступеням внушительные кофры госпожи Алисанды де Брие ди Бралье дю Варгас. Количество и величина кофров вполне соответствовали званию и положению прибывшей.

– Мастер Вен! – Из двери кухни высунулась хорошенькая круглая мордашка молодой невысоклички. Курносой, розовощёкой, в домашнем платье с расшитыми рукавами, переднике и деревянных башмаках. И весьма рослой для народа половинчиков. – Господин Вен, у нас гости? Что подавать?

Алисанда воззрилась на неё, словно та была, самое меньшее, гигантским ядовитым пауком. Правая бровь гостьи взлетела вверх.

– Э-э, Делия, да, у нас гости. – Маг старался сохранить светский тон, но удавалось ему это плохо. – П-проводи наверх...

– Минди, Венди, давайте, за дело, живо-живо. – Красавица остановилась подле пылающего камина, протянула руки к огню. Две её служанки заторопились следом за Делией по лестнице. – Так-так, мой дорогой Вениамино, и кто ж это такая?

– Д-делия. Делия Арбьято, приставлена местным обществом, миром то есть. Совет Конгрегации назначил меня сюда волшебником, Алисанда. Погода, урожаи, врачевание, ветеринария, все дела. Вот они – мир здешний то есть – её ко мне и приставили.

Кот и пёс разом поглядели на хозяина. Каждый – с совершенно чётким выражением «ну почему, почему ты оправдываешься?».

– Приставили... – нахмурила бровки Алисанда. – Ну, пусть приставили. Поговорим об этом позже. Брр, ну и погодка! – Она вновь протянула руки к камину.

Маг досадливо сощурился и прищёлкнул пальцами. На столике возле огня материализовался поднос, а на нём – два высоких бокала с парящей тёмно-гранатовой жидкостью.

– Не побрезгуй. Глнтвейн. Моего собственного рецепта.

– Узнаю моего Вениамино. – Красавица небрежно сбросила пелеринку, грациозно опустилась в кресло, улыбнулась, складывая губки бантиком. – Он устроится на пересечении пяти... нет, что я, даже семи лей-линий и будет шиковать, тратить эти силы, чтобы перебросить сюда с кухни глнтвейн. – Она тоже щёлкнула пальцами, почти точно повторив жест хозяина. Бокал послушно поднялся с подноса, лёг ей в ладонь. – Да, только здесь, на семилучье, такое себе и позволишь. Конечно, исключая Академию. Но там за такое по головке не поглядят, «баловство» подобное строго воспрещается. Даже мне. Мм-м... отлично сварено. Прекрасный букет, и специи точно по мерке.

– Спасибо на добром слове. – Маг слегка поклонился. – Но хвалить следует Делию. Рецепт мой, а у плиты стояла она.

– Делала свою работу, – фыркнула Алисанда. – О чём мы вообще говорим?

– Думаю, милсдарыня, ты мне об этом сейчас и скажешь, – заметил маг, пригубив рубиновый глинтвейн. – Очень сомневаюсь, что ты проделала весь этот путь только и исключительно для того, чтобы высказать комплимент моему глинтвейну.

– Вениамино! – Алисанда погрозила пальчиком. – Не груби мне.

– Помилуй, Санди, кто ж посмеет...

– Ну вот ты и смеешь. Прямо сейчас. – Она вдруг подалась вперёд, вцепившись в подлокотники кресла. – Во-первых, держишь в доме эту... служанку, – последнее слово прозвучало, точно ругательство. – Во-вторых, дерзишь мне. Не вздумай поднимать бровь, Вениамино. Ты всё отлично знаешь.

– Милостивая государыня дю Варгас. – Маг посмотрел ей прямо в глаза. – Я не понимаю, простите.

– Я, не последняя волшебница Конгрегации, срываюсь из Цитадели, отбиваю себе задницу на отвратительных дорогах – я об этом уже говорила, – являюсь к мужчине... – Она махнула рукой и продолжила уже совершенно другим, озабоченным, но дружески-озабоченным тоном: – Впрочем, Вениамино, дорогой мой, уже поздно, а мне, как ты помнишь, требуются горячая ванна и прочие вещи, обязательные для путешествующей дамы. Давай отложим все беседы на завтра, ладно? Где там мои лентяйки?.. А, вот, как раз спускаются. Что там с ванной, Минди, Венди?

– Уже наполнена, госпожа Алисанда, – выпалила одна из служанок.

– Прекрасно, Венди. Сейчас я поднимусь, нагрею воду, благо здесь, спасибо семи лей-линиям и нашему любезному хозяину, это совсем нетрудно... Потом поговорим ещё, Вениамино! И скорее всего, уже утром.

– Конечно, Санди. То есть ужинать ты сейчас не будешь, а что тогда прикажешь подать на завтрак?

Алисанда вдруг поманила мага наманикюренным пальчиком.

– Отошли эту твою... Делию. Вот прямо сейчас и отошли. Минди у меня, смею уверить, готовит не хуже. У тебя ведь есть тут ледник? Хоть какие-то продукты?

– К-конечно. Жить среди половинчиков и не иметь самое меньшее месячного запаса еды?

– Вот и отлично. – Она поднялась, быстро чмокнула хозяина в щёку. – Спокойной ночи, милый Вениамино, я пошла отмокать. Горячая ванна с пеной, мм-м, вот что мне сейчас нужно куда больше ужина.

– А твоим людям?

Алисанда беззаботно отмахнулась.

– Они сами способны о себе позаботиться. Я достаточно щедро им плачу?, чтобы не забивать себе голову ещё и их надобностями. Спокойной ночи, дорогой!

– Спокойной ночи, Санди...

Он стоял, глядя, как она грациозно поднимается по лестнице. Бёдра слегка покачиваются, негромко цокают невидимые под длинным платьем каблучки.

– Так что ж, ничего не подавать, сударь Вениамин? – выросла рядом с ним Делия.

– Спроси у вершников и остальных, ладно?

– На такую ораву вдруг-то не наготовишь, сударь! – надула губки та. – На вас с госпожой гостьей – вполне, а на них... им ведь котёл похлёбки подавай! А где я его им возьму?..

Топая, сверху спускались двое вершников, таскавших на второй этаж необъёмные кофры пожаловавшей чародейки.

– Эй! Вы! – Делия воинственно упёрла руки в боки. – Лопать хотите?

Вершники замерли, переглянулись, один из них, помоложе, аж облизнулся.

– Хотим, э-э, красавица, – пробасил второй, с широкой седой бородой и шрамом через щёку. – Да простит нас господин маг, – тотчас поправился он, кланяясь Вениамину.

– Ничего-ничего, – кивнул тот. – Ступайте за Делией, молодцы. Она у меня настоящая мастерица, из ничего способна целый полк накормить...

Делия немедля зарделась, как маков цвет.

– И прочих ваших тоже зовите! – начала распорядиться она, явно стараясь скрыть смущение. – Давайте-давайте, пошевеливайтесь, еда ждать не станет!

Вениамин Скорре ещё постоял, глядя на всю эту суету, на осторожно входящих и низко, раболепно кланяющихся ему людей Алисанды, кого взявшая дело в свои маленькие, но ловкие ручки Делия повела на кухню.

– Присматривайте тут, – негромко сказал он коту и псу.

Кот выгнул спину, распушил хвост и одним движением взлетел на высокий столб с площадками, подпиравший потолок там, где начиналась лестница, улёгся на самой верхней. Волкодав кивнул совершенно по-человечески и устроился подле жарко пылавшего камина, где по-прежнему не прогорели дрова.

Сам же чародей вздохнул и направился к узкой лесенке, что вела в подвал.

Первый из череды подземных этажей его башни был сух и чист. Сами собой вспыхнули кристаллы по стенам в бронзовых оковках, осветив круглое помещение с каменными столами вдоль стен, полками, забитыми всевозможнейшими артефактами, книгами, самоцветными друзьями, склянками тёмного стекла, пучками перьев, грудями костей в плетёных корзинках и тому

подобным добром.

В середине пол был пуст, и там из него торчало двенадцать рукоятей, отполированных от частого употребления, соединённых с концентрическими каменными кругами общим диаметром в двенадцать футов, с нанесёнными на них странными рунами и символами, не имевшими ничего общего с широко известными алхимическими или зодиакальными. Каждый из концентрических кругов поворачивался независимо от других; в самом центре возвышался отполированный до блеска чёрный камень без каких бы то ни было знаков или глифов.

Чуть дальше, на единственном свободном месте у стены помещалась громадная астролябия, или, скорее, прибор, отдалённо её напоминавший. Там тоже были бронзовые небесные сферы, зубчатые дуги, шестерёнки, поворотные сектора и прочая механика; скрытые внутри прибора зеркала посверкивали в ожидании.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Voici comment? – Вот как? (фр.)

2

Exactement! – Именно так! (фр.)

3

К вашим услугам (фр.).

4

Le nom du Sauveur – имя Спасителя (фр.).

5

Имплювий – бассейн для сбора дождевой воды; зачастую являлся центральным элементом ландшафтного дизайна.

6

Excogitatoris – буквально «создающий, творящий» (лат.). Здесь – «планирующий задание».

7

Speculators – здесь: наблюдающие, разведывающие (лат.).

Socium tractatui – партнёр по переговорам (лат.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/nik-perumov/ohotniki-prorochestva-razrusheniya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)